

II 902 302

ес

ЗАПИСКИ

Северо-Двинского Общества
Изучения Местного Края.

ВЫПУСК I.

г. Великий-Устюг 1925 г.

ЗАПИСКИ

Северо-Двинского Общества

изучения местного края.

ВЫПУСК I.

1925 года.

ПРОФЕССОР

Владимир Прохорович

АМАЛИЦКИЙ.

Владимир Прохорович Амалицкий родился 1 го июля 1860 года, в Волынской губернии, в имении „Старики“. Его отец, чиновник министерства государственных имуществ, умер, когда Владимиру Прохоровичу было три года, тогда мать его переехала в Могилевскую губернию, в город Мстиславль, где жил ее брат. Там она купила небольшой домик с фруктовым садом и полем, тут протекло детство Владимира Прохоровича. Когда ему исполнилось девять лет, его мать отвезла его к другому своему брату, доктору Полубинскому в Петербург. Брат этот, будучи холостяком, посвятил свою жизнь воспитанию детей двух своих сестер, рано овдовевших. Первоначальное образование Владимир Прохорович получил в III гимназии в Петербурге, окончил он ее в 1879 г. и в том же году поступил на физико-математический факультет Петроградского Университета, который окончил со степенью кандидата в 1883 году и был оставлен при Университете для приготовления к профессорскому званию. В это время Владимир Прохорович принял участие в экспедиции проф. Докучаева по исследованию почв Нижегородской губернии; ему был поручен Горбатовский уезд. В 1887 году, по выдержании испытания и публичной защите диссертации: „Отложения Пермской системы Окско-Волжского бассейна“, удостоен степени магистра, а в 1892 году, по защите диссертации: „Материалы к познанию фауны Пермской системы России“, физико-математический факультет Петроградского Университета присудил ему степень доктора того же Университета. Затем В. П. Амалицкий посвятил все свои исследования и научные работы изучению Пермских отложений России. Еще будучи приват-доцентом Петроградского Университета и работая в экспедиции проф. Докучаева (по исследованию почв Нижегородской губернии), ему удалось найти в Пермских пестрых мергелях фауну Anthracosidae (Lamellibranchiata. Пластинчато-жаберные). До этого времени пестрые мер-

геля считались немymi, т. е. не заключающими в своих слоях фауны. Когда В. П. Амалицкому удалось увидеть за границей в Лондонском Естественно-Историческом музее Anthracosidae из слоев Кару формации южной Африки вполне тождественных с нашими и там, попутно с Anthracosidae'ми были найдены и скелеты Papeiasaurees'ов, то проф. Амалицкий решил, что и у нас в России, где так широко распространены Пермские отложения, должны быть найдены скелеты Papeiasaurees'ов, много лет упорного труда не пропали даром и в 1898 году увенчались находкой на М. С. Двине единственной в мире богатой коллекции ящеров этой эпохи. В этом году 12 авг. был международный геологический конгресс в Петербурге, река обмелела, пароходы перестали ходить и профессору Амалицкому пришлось преодолеть не мало трудностей, чтоб добраться во время до Петербурга. В числе иностранных геологов, приехавших на конгресс, был проф. Сили (Seely), открывший в Африке в Кару формации Papeiasaurees'ов. В. П. Амалицкий показал ему свою находку, которую считал, как челюсть, так лопатку и ребра, принадлежащими Papeiasaurees'y; проф. Seely подтвердил его догадку, сказав, что и по его мнению эта челюсть и кости принадлежат, без всякого сомнения Papeiasaurees'y. В 1899 году проф. Амалицкий заарендовал у крестьян деревни Ефимовской на берегу М. С.-Двины землю и начал правильные раскопки. Начал он все это на свои средства; но в следующие года, когда расходы увеличились и его, более чем скромных средств не хватило, ему пришлось обратиться за материальной помощью к Петроградскому Обществу Естествоиспытателей, которое и субсидировало его до 1903 года. При Варшавском Университете, где проф. Амалицкий был с 1890 года профессором по кафедре геологии и палеонтологии, была устроена мастерская для обработки, препарирования и монтировки фауны и флоры, открытой им на берегах М. С.-Двины. Все это, т. е. препарировку и монтировку проф. Амалицкий предварительно сам изучил в мастерских Берменского Университета, а главным образом в мастерской Лондонского Естественно-Исторического музея. В 1903 г. Петербургское Общество Естество-Испытателей, не имея помещения для выставки отпрепарированных и монтированных скелетов, решило передать все коллекции в Академию Наук. В 1904 г. проф. Амалицкий был назначен и. д. ординарного профессора Варшавского Политехнического Института, с оставлением в занимаемой им должности при Варшавском Университете. С 1905—1908 г. В. П. Амалицкий был председателем комиссии по устройству новых высш. учебн. заведений в России. При его посредстве был открыт Университет в г. Саратове и Политехнический Институт в Новочеркасске. В 1908 г. проф. Амалицкий был избран директором Варшавского Политехнического Института, которым и оставался в продолжение трех трехлетий; тогда он перевел мастерскую из Университета в Политехнический Институт, где она могла быть лучше помещена; увеличил штат служащих и вообще поставил ее на более широкую ногу. С этого же года возобновились работы по раскопкам на С.-Двине. прерванные с 1905 по 1908 г., которые и продолжались до 1913 г. В 1914 г. когда началась германская война, Варшавский Политехнический Институт, а с ним и профессор Амалицкий, его мастерская и все окаменелости все было эвакуировано; в Москву был направлен Институт со всем составом служащих, а окаменелости отправлены в Петроград в Академию Наук. В октябре 1914 года Институт с составом служащих был возвращен в Варшаву, где и оставался до июня 1915 года, когда был окончательно эвакуирован в Москву, где пробыл весь 1915 г. до июля 1916 г. когда по приглашению гор. Нижнего Новгорода переехал туда. Проф. Амалицкий пробыл в Н.-Новгороде до марта 1917 года, когда вышел в

отставку и поехал в Кисловодск лечить свое больное сердце; по совету докторов он остался в Кисловодске и на зимний сезон, но зима для него оказалась роковой: редкий горный воздух, при небывало сильных для этих мест морозах, оказались не по силам для его больного сердца и 15-го декабря он умер внезапно от припадка грудной жабы, умер, как верный солдат на своем посту, так как за полчаса до смерти писал свою работу (Pareiasauridae) и почувствовал себя худо; был приглашен доктор, но ничего нельзя было сделать: два припадка грудной жабы один за другим унесли его на 57 году его жизни.

Как профессор, В. П. Амалицкий был не только хорошим лектором, всегда готовым поделиться своими знаниями со своими учениками, но необыкновенно добрый, отзывчивый, искренне любивший своих учеников. Зато и они любили его, как отца, и всегда шли к нему со своими горем и радостями, зная, что у него найдут сочувствие, добрый совет, а нередко и материальную помощь.

В. П. Амалицкий отличался неутомимой энергией. Как пример можно привести то обстоятельство, что когда он получил кафедру в Варшавском Университете, музея Геологии там не было, он был соединен с Минералогическим музеем. Владимир Прохорович, находя это обстоятельство крайне неудобным, начал всеми силами стараться о их соединении и добился. Тогда его маленький музей, имевший только одну коллекцию, но прекрасную, знаменитого польского геолога Пуша, все же был беден, но Владимир Прохорович не падал духом и с неослабевающей энергией начал хлопотать о его пополнении собирал сам коллекции, его ученики тоже приносили свои лепты; если только было немного денег в кабинете, сейчас же покупались коллекции, а когда к ним прибыла, открытая им богатая коллекция Пермской фауны и флоры с С.-Двины, то он стал совсем богатым.

Владимир Прохорович не мало потрудился для Варшавского Общества Естествоиспытателей, будучи одним из его основателей: хлопотал обществу субсидию, организовал обмен изданиями и тем положил основание библиотеке, организовал экскурсии, поддерживал начинающих геологов и постепенно проработал в Обществе сначала в качестве секретаря, затем вице-председателя, председателя биологического отделения и, наконец, председателя обоих соединенных отделений.

Вообще натура у Владимира Прохоровича была кипучая, не знавшая отдыха; страстно любя свою родину, он всю жизнь свою посвятил на служение ей.

Из его работ, кроме диссертаций, можно отметить следующие:

Геологическая экскурсия на Север России I.

Задачи моих исследований (и главные результаты экскурсий 1895 г.) Труды Варш. Общ. Естеств. Год VII 1896—1897.

Материалы к оценке земель Нижегородской губ. в геологическом и почвенном отношении Горбатовский уезд (экспедиция профессора Докучаева) Петроград 1884 год.

„О главнейших результатах экскурсии на р. р. Вытегру, Сухону, и С.-Двину“, Труды С. П. Б. Общества Естествоиспытателей Т. XXVII вып. I 1896 г.

„Геологическая экскурсия на Север России II к геологии Вытегорского уезда“. Труды Варшав. Общ. Ест. Год VII 1896 — 1897 Апрель 1896 год.

Геологическая экскурсия на Север России III. О новых палеонтологических находках в Пермских мергелисто-песчаных породах Сухоны и Малой С.-Двины. Труды С.П.Б. Общ. Естеств. Т. XXVIII протоколы засед. 1897 г. № 2.

„Геологическая экскурсия на Север России IV. О новых палеонтологических находках в Пермских мергелисто-песчаных породах Сухоны и Малой С.-Двины“. Труд. Варш. Общ. Ест. Год VIII 1897 Протоколы от Биологии № 1 Март 1897 г.

„О геологических наблюдениях, произведенных летом 1897 года на р. С.-Двине.“ Труды С. П. Б. Общ. Естеств. Т. XXIX. Протоколы Зас. 1898 г. № 2.

„Геологическая экскурсия на Север России V. О глоссоптеривовой флоре М. С.-Двины“. Труды Варш. Общ. Естеств. Год IX 1898.

„Некоторые дополнения к докладу о геологических наблюдениях на Севере России“. Труды СПб Общ. Естеств. Т. XXIX Протоколы Зас. 1898 № 8.

„По Ледовитому Океану и Печоре“. Варшава 1903 г.

„Геологическая экскурсия на Север России VI. О новых позвоночных и рептилиях, найденных в глоссоптеривом типе Пермских отложений типа Сухоны и С.-Двины“. Труды Варш. Общ. Естеств. Год IX 1898 год.

„О постплиоценовых образованиях Сухоно-Двинского бассейна.“ Труды СПб Общ. Ест. Т. XXX Протоколы Зас. 1899 №№ 1—2.

„Раскопки остатков позвоночных в 1899 г. Пермских отложений Севера России“. Варшава 1899 г.

„Несколько замечаний о верхне-пермских континентальных отложениях России и Ю. Африки“. Труды Варш. Обществ. Ест. Год VI 1894—1895.

„О пресноводных пластинчатожаберных из каменноугольных отложений Донецкого бассейна“.

Предварительный отчет о геологической экскурсии в с.-восточную часть Новгородской губ и прилегающие к ней местности Олонецкой и Вологодской губ.“

„О возрасте яруса пестрых пород в Волжско-Окском бассейне.“

„Сообщение о русских Anthracosidae 1891 г.“ Протокол Варш. Ест. О-ва 21-е августа.

„О Русских Пермских Anthracosidae“ 1892 г.

„Северо-Двинские раскопки Dvinosauridae“ 1921 г. Петроград. Академия Наук.

„Северо-Двинские раскопки Seymouridae“ 1921 г. Петроград. Академия Наук.

И многие другие работы.

А. Амалницкая.

12 января 1924 г.

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДА ВЕЛИКОГО-УСТЮГА.

I.

Первоначальное заселение городской площади.

История города Великого-Устюга начинается с момента выселения части жителей из древнего Гледена на нынешнее место г. Устюга, по берегу реки Сухоны, называемое Черный Прилук. И в настоящее время река Сухона в этом месте образует заметную излучину, в прежние же времена изгиб р. Сухоны был здесь значительно больше нынешнего, почему место это первоначально и называлось лукой. Образовавши изгиб, р. Сухона в стародавние времена, текла по направлению к нынешнему Гледенскому монастырю, или к старинному Гледену, так что место, на котором ныне расположена дер. Коромыслово, было на левом берегу р. Сухоны, а теперь оно находится на правом,—вот насколько, с течением времени, р. Сухона в данном месте выпрямила свое русло и вот насколько излучина тут прежде была больше нынешней. Указанное выпрямление реки Сухоны произошло, сравнительно со временем существования города, очень не давно. Лет около ста тому назад, т. е. в начале XIX столетия деревня Коромыслово была на одном берегу с гор. Устюгом. Рядом с Коромысловым было тогда сельцо Пятницкое, а между ними и г. Устюгом, на месте нынешней р. Сухоны, протекал небольшой ручеек, через который местами можно было даже перешагнуть, а в других местах перепрыгнуть. Затем уже р. Сухона переменила свое течение, потекла по этому именно ручейку и жителям Пятницкого сельца, подрываемым р. Сухонной, пришлось переселиться на то место, на котором сельцо это находится ныне, т. е. ближе к г. Устюгу, на одну с ним сторону; деревня же Коромыслово осталась на своем прежнем месте и оказалась, по отношению к г. Устюгу, за рекой Сухонной.

Относительно образования русла реки Сухоны на нынешнем ее месте между городом Устюгом и деревней Коромысловым, в одном рукописном летописце читаем под 1791 годом: „В Пятницком сельце в поле по лугу от берега реки Сухоны во время вскрытия льда начало прорывать землю полевую на прямо в Двину и сделало небольшой ручей, а после того ежегодно более и боле прорыло полой не менее реки Сухоны, по которому 1800 г. и начали проплывать весной в Двину лодки, а потом и суда, а, наконец, уже и барки; а под Троицкой монастырь и под Гледен после сего уже реку Сухону начало ежегодно песком заметывать“.

Здесь под одним годом встречаем пересказ событий, случившихся в течение многих лет. Образование нового русла началось с прорыва полевой земли и возникновения небольшого ручейка, по которому только

в весеннее время могли проплывать лодки. Затем, ручей этот постепенно увеличивался и в то-же весеннее время стала возможность проплывать по нему судам, или что то-же тем же лодкам, но только несколько больших размеров. Наконец, стали проплывать и барки, как самые крупные суда, отправлявшиеся в старину из Устюга к Архангельску. В этом экземпляре летописца событие помещено под 1791 годом, тогда как в других экземплярах прорыв нового ложа для реки Сухоны относится к 1807 году. Так в летописи, напечатанном А. Титовым в 1889 году, читаем под 1807 годом: „В апреле месяце, во время похода льда на Сухоне, от случившегося запору, приключилось во 2-й части города наводнение. По берегу Петровки, до церкви Пятницкой снесло земли не малое количество, потом наводнением, продолжавшимся 3 сутки, вырыло пролив между Пятницкою церковью и селыцом того имени и тем самым реку Сухону соединило с Двиною“ (121 стр.). Про этот „Пятницкий полой“ в 1850 году напечатано, что он „в течение 40 лет расширился уже до 125 сажений; прежнее же ложе Сухоны беспрестанно мелеет, будучи постепенно заносимо песком“.¹⁾ В атласе реки Северной Двины, изданном в 1861 году Главным Управлением путей сообщения и публичных зданий по изысканиям, произведенным в 1858—1860 годах, между возвышением, на котором помещается дер. Коромыслово и городом Устюгом начерчен Пятницкий полой в одном месте шириной сажень в 50, а в других шире. За возвышением, на котором расположена дер. Коромыслово, подписано „старое течение реки Сухоны“, так что на карте возвышение это является островом. Таким образом, в 1858 году, хотя Сухона уже и текла по Пятницкому полою и здесь, можно сказать, был ее материк, но размеры ее далеко не достигали размеров нынешней реки и старое течение реки Сухоны тогда вполне ясно было, тогда как ныне оно бывает видно только в весеннее время, когда дер. Коромыслово оказывается расположенною на острове, окруженном водою.

Итак, к половине XIX века новое ложе р. Сухоны достигло довольно значительной ширины, между тем память о маленьком ручейке, протекавшем на этом именно месте, со слов отцов и дедов, самовидцов этого ручейка, жива среди Устюжан даже и в настоящее время. Выпрямление реки Сухоны в данном месте, таким образом, произошло только в первой половине XIX века, до того же времени излучина р. Сухоны была значительно глубже нынешней.

В углу указанной излучины и расположено, так называемое, ныне Городище, где теперь находится Варлаамовская церковь. В момент первоначального заселения данного пункта, это была часть высокого левого берега р. Сухоны, огражденная с одной стороны рекой, а с другой глубоким рвом, или оврагом, по которому протекал ручей, т. е. Это было такое место, которое очень удобно и легко можно было сделать укрепленным местом. А в стародавние времена и выбирались для поселения такие именно места, на которых легко можно было укрепиться. В данном месте выделена была площадь несколько более двух десятин земли, для того времени весьма значительная по своему пространству. На ней то и основался первоначально г. Устюг, т. е. здесь именно, по преданию, и поселились первые выходцы с древнего Гледена.

Прилегающая к указанному пункту местность, соответствующая нынешним первой и второй частям г. Устюга, в то время вся была покрыта лесом, с находившимися внутри его болотинами и небольшими

¹⁾ Военно-статистическое обозрение Российской Империи, Вологодская губерния. Стр. 375.

озерками. При этом местность, соответствующая нынешней первой части города, была выше и потому сравнительно суше местности, соответствующей нынешней второй части города. Эта последняя, в иные годы, заливаемая р. Сухоней в весеннее время, состояла преимущественно из мест заболоченных. Понятно отсюда, что после занятия переселенцами Городища и образования на нем заселенного места, следующие поселенцы, нуждавшиеся в новых местах, стали основываться на местности нынешней первой части города, а не второй.

В числе первых поселенцев в этой именно местности Летопись Великоустюжская указывает на монаха Киприана, основавшего Михайло-Архангельский монастырь в 1212 году. Монастырь этот находится приблизительно в расстоянии версты от Городища. Во времена монаха Киприана, как рассказывает его житие, место это было весьма мокрое, болотистое, окруженное семью небольшими озерками, находившимися по близости одно от другого. Здесь же протекал небольшой ручеек, который в последствии назывался Криничным. Надо полагать, что среди окружающего леса это было более открытое место и потому более удобное для поселения. Оно и было избрано монахом Киприаном для основываемого им монастыря. Это вполне естественно, так как первым поселенцам на площади нынешнего г. Устюга приходилось вести борьбу с росшим здесь лесом, начинать же эту борьбу, конечно, легче было с места более открытого, нежели с густо, поросшего. В частности относительно того пункта, на котором построены были монахом Киприаном первые келии и монастырская церковь, необходимо заметить, что, находясь внутри расположенных здесь озер, местность эта представляла из себя, хотя и небольшое, но заметное возвышение, следовательно, была более сухая, почему и с этой стороны также являлась удобной для поселения. От существовавших прежде семи озер донные сохранились только два; нет ныне и ручья Криничного, но еще в конце XVIII века ручей существовал, были и другие, кроме нынешних двух, озера.

Вблизи Архангельского монастыря в конце XIII века, (в 1290 году), владыками ростовскими построена была соборная церковь. Городище с одной стороны, монастырь и собор с другой стороны образовали собою два центра, от которых и около которых стало постепенно группироваться население, местность между ними и около их стала постепенно заселяться и, таким образом, между Городищем и собором, по течению реки Сухоны, со временем и образовался посад, около же посада, на площади нынешнего г. Устюга, построились села и деревни, окруженные пашенными и сенокосными землями. В постепенной разработке земли и обращении ее в заселенные места большое значение имели Михайло-Архангельский монастырь и ростовские владыки, как крупные хозяева того времени, владения которых были на площади нынешнего г. Устюга.

Неизвестно в какое именно, но в очень отдаленное время, за собором, вверх по реке Сухоне, построена была церковь во имя Леонтия Ростовского и около этой церкви образовался Леонтьевский конец, как часть отдельная от посада. Насколько часть эта была отдельная от посада можно заключать из того факта, что село Леонтьевское считалось принадлежавшим к Усольскому (т. е. Сольвычегодскому) уезду. (Акты II, 313) ¹⁾ и Леонтьевской церкви деревня Деревенька написана

¹⁾ В дальнейшем цитируются нами следующие печатные источники: 1) Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. Москва 1883 (цитируется сокращенно: Устюг Великий); 2) В. П. Шляпин. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Часть I Великий Устюг 1912; часть II Великий Устюг 1913. (Цитируются сокращенно: акты I; Акты II).

была в Усольских писцовых книгах. Почему именно одна из первых церквей, основанных около Устюга, получила наименование во имя Леонтия Ростовского, для нас ясно будет, если припомним, что с начала XIII века, т. е. со времени ближайшего к основанию и возникновению г. Устюга, начинается политическая и религиозная зависимость г. Устюга от Ростова, в Ростовской же области, еще до нашествия на Русь монголов, был местночтимым Леонтий Ростовский. Наименование указываемой церкви Леонтьевскою и было результатом религиозной зависимости Устюга от Ростова.

В XVI веке Леонтьевский конец состоял из плужных земель. Кроме церковной земли Леонтьевской церкви, (местоположение которой будет указано ниже) и плужной земли Михайло Архангельского монастыря, здесь были: а) плуг великого князя—Захаровской, б) плужище Жилкино царицы и великие княгини и в) царицы же великие княгини плуг Воронинский. Владения великого князя и великой княгини на Устюге начинаются также с очень отдаленных времен. Уже в духовной грамоте 1410 года великим князем Василием Дмитриевичем отдаются княгине его на Устюге Федоровские села Свибловские (Древн. Рос. Вивлиоф ч. I М. 1788 г. стр. 131). Ясно отсюда, что великокняжеские владения на Устюге начало свое получили ранее 1410 года. В фактическом владении плужные земли были у лиц их обрабатывавших, т. е. они были в ближайшем и непосредственном владении тех крестьян, которые на них сидели.

В актах Михайло-Архангельского монастыря сохранились сведения, в чем именно фактическом владении была эта земля в XVI веке и какой вид имела эта нынешняя часть г. Устюга в то отдаленное время.

До 1514 года весь Захаровский плуг был во владении двух братьев Марка да Матвея Михеевых детей; в этом же году они, взявши 8 рублей на посилье, отступились половины земли и двора и пожень, что к тому плугу тянет, в пользу Владимира Огапитова да Парфения Павлова Стребькова. При этом земля должна была остаться „не в розделе, пахати за одно. Жито делити с гумна, а сено копнами. А что во дворе горенка, ино в ней жити Марку“. „А семена Володимиру да Парфенью на свою половину класти свои“. (Акты I, 34, 35). Итак, в начале XVI века на целом плуге земля была одна жилая горенка. Новые совладельцы для своего житья, по всей вероятности, должны были построить другую. По крайней мере известно, что в 1571 г. на половине плуга, отошедшего к новым владельцам, стояла изба наземная“. Так как совладельцами семена клались свои, обработка же производилась сообща, то ясно, что все они были лица равноправные, а не состояли одни к другим в отношениях половничествующих, какая форма землевладения, практиковалась в то время в данной местности. Занятие указанных лиц было хлебопашество и сенокосенне, следовательно, и вид занимаемого ими местечка носил характер сельскодеревенский, с одной, много двумя жилыми постройками. Из этого плуга половина в 1571 году по посильной грамоте и четверть плуга в 1618 г. по купчей грамоте перешли во владение Михайло-Архангельского монастыря, а этим последним к обработке земли применен был труд половнический.

Плужище Жилкино до 1563 г. было во владении Онтипы Васильева Белянкина с сыновьями попом Семеном, да с Леонтьем, а в этом году половина земли и с дворищи отдана ими на посилье за 50 руб. Ивану Денисову Костылеву. „А двор (сказано в посильной грамоте) половничей Волковской, а во дворе хоромов изба наземная, да подле избе сенница, да сеник на подклете, да подле сеник сенница ж, да

половина колодезя, да половина мылны, и половина овина и с огуменником, и во всех трех полях половина, а во рже половина ж, что от валка придет подовничьа хлеба. А в пожнях во всех половина ж^а. (Акты I, 33). И в данном случае „земля и пожни не в делу“ остались. Из посильной видим, что в хозяйстве Белянкина применен был половничий способ обработки земли, а так как колодца, бани и овина отдавалась только одна половина, то очевидно другая половина оставалась в хозяйском владении, следовательно и на хозяйской половине была своя изба и с необходимыми надворными постройками, весь же характер застройки и этого плужища был сельско-деревенский. В 1574 г. эта половина плужища Жилкина, по посильной грамоте, поступила Михаило-Архангельскому монастырю (акты I, 31) «и с дворщи, а двор половничей Валковской на той земле».

Воронинский плуг до 1550 года был в общем владении Ивана Борисова Скулина и Афанасья Тимофеева Молутова. Очевидное дело, в данное время, у указанных двух хозяев было не более двух жилых домов, с необходимыми при них хозяйственными постройками. С течением времени владение плугом раздробилось, права на него от одних лиц переходили к другим и к концу XVI века на плуге этом было не менее шести отдельных хозяев. В 1593 и 1594 годах три четверти этого плуга, без шестнадцатых жеребьев, по посильным грамотам, перешли к Михаило-Архангельскому монастырю, и с дворами и с дворовыми местами. И вот какие при этом были постройки у последних владельцев этого плуга. Во дворе четверти плуга, принадлежавшего Михаилу Петрову Новоселову, было хором: изба наземная, да сенник с подклетом, а под ним погреб, да сенница на конюшне, да сарай, да баня в огороде. Были тут и огородец с коноплянником и с капустником, и огуменник задний (Акт I, 7). На четверти плуга Василия Иванова Пряженово было хором: изба нова на подклете, да сенник на подклете, а другой сенник на погребе, да промеж сенники сенница на хлеву, да от сенника сарай; были огород и баня. А в огуменнике и в овине, и в мякиннице с Ульяном (Вострово) пополам (акты I, 12). На четверти плуга Ульяна Афанасьева Вострово было хором: горница новая на подклете, да два сенника на погребе, огородец, колодец и баня; а в огуменнике и в овине половина с Васильем Пряженным (акты I, 16). В каждой четверти плуга была земля пашенная с насаянным хлебом и к каждой четверти были пожни и притеребы. И шестнадцатые жеребьи, от указанных четвертей плуга, перешли к монастырю же. Так, в 1584 г. Павел Козмин сын Назарова продал в Архангельский монастырь шестнадцатый жеребей в Леонтьевском конце землю с пожнями и с притеребы, и с огородцы с капустным и с конопляным, куды коса и топор ходил, и с насаянным хлебом с рожью. «А на том моем жеребью половина двора а другая половина двора Архангельского монастыря».

Назаров продал «со всеми хоромы, что ни есть хором на моей половине двора, да половина колодезя, а другая половина Михаила Еретихи» (акты I, 19) т. е. Михаила Петрова Новоселова. В 1583 г. пятеро Обросьевых сделали вклад в монастырь — восьмой жеребей плуга в Леонтьевском конце по своей купчей и «во всем половина в хоромех и в орамой земле, и в пожнях, что к той земле исстари потягло, и по старым межам, и с хлебом, и с сеном, чем мы сами владели» (акты I, 20, 21). Перечисленные выше постройки указанных плугов дают ясное представление, какой именно деревенский вид имела рассматриваемая часть нынешнего г. Устюга в XVI веке. Состояла она из пахотных и сенокосных земель, на которых разбросаны были необходимые в сельской жизни постройки.

Дополнительную иллюстрацию к сказанному может дать нам сохранившаяся от 1569 г. деловая запись между четырьмя домохозяевами в Леонтьевском конце, которые „помирились промеж собою с суда“, а судились они о дележе лугового места, „что возле реку Сухону, под нижним полем, да лог возле улицу. И мы (говорится в деловой) в том делу промеж собою полюбовно помирились и поделили бережной луг, да и возле улицу лог, да и в верхнем поле ложки. Досталось косить в бережном лугу и возле улицу лог, и в верхних полях кому-ж против своею полосы; а межи пожем с пашенные земли из меж в между. Да и травити кому-ж свой жеребей. А огороды городити нам против своих же полос. А перечень нам городити промеж польми, городити досталоса Василью да Григорью от Леонтья святого до межи половина, а тот нам огород городити, что против своих полос в всех полех в нижнем и в верхних. А что достанется нам межника от Онтипы от Белянкина городити в нижнем поле и в верхнем по половинам же, что достанется от Онтипы“ (Акт I, II). Всякий, конечно, признает, что здесь говорится не о городском поселении, а о деревне; а между тем здесь и говорится именно о нашем Леонтьевском конце, о местности прилегающей к нынешней городской Леонтьевской церкви.

В стародавние времена два двора, построенные вблизи один от другого, составляли деревню, а несколько дворов и с церковью около их, составляли уже село. Так и в Леонтьевском конце, с постепенной распашкой земли и заселением ее, образовалось сельцо, вся земля которого и с находившимися на ней постройками, постепенно же, по разным документам—крепостям и сильным—перешла к Михайло-Архангельскому монастырю. В актах XVII века и встречаемся с ясными указаниями на то, что в Леонтьевском конце было сельцо Леонтьевское, „а в нем Архангельского монастыря, что на Устюге, семь дворов половничьих“. (Акты II, 46). На плане г. Устюга 1784 г. число дворов в Леонтьевском сельце показано 13 и в них жителей 47 душ муж. п., уже экономических крестьян, а не монастырских, так как с секуляризацией монастырских имений при Екатерине II крестьяне вышли из монастырского владения.

Переписная книга г. Устюга 1714 года подробно перечисляет население г. Устюга и существовавшие тогда в нем постройки. По этой книге в Леонтьевском конце постройки располагались по берегу реки Сухоны и их было всего 14 дворов и 4 избенки живущих и 1 двор пустой, жителей же в них было 41 муж. п. и 77 жен. п., а всего 118 человек. Так как про один двор здесь сказано, что он стоял „против Ильинской церкви“, то значит указанными дворами занята была набережная вплоть до Ильинской церкви. После же этой последней церкви, на Ильинском берегу, по направлению к собору было 10 дворов, с населением в них 34 муж. п. и 41 жен. п., всего 75 человек. Позади последних дворов, т. е. тех, которые стояли на набережной после Ильинской церкви, стояли дворы лицом к полю, находившемуся между церквями Ильинской и Воскресенской, и их было всего 5 дворов, с населением 10 муж. п. и 13 жен. п., всего 23 человека. Из этих последних дворов про 2 отмечено, что построены они после 1678 года, при чем один на огородной земле, а другой на пашенной земле. Затем, про один двор сказано, что построен „на Пречистенском берегу подле осыпь“, т. е. на берегу соборном, рядом с городским укреплением.

Итак, в рассматриваемой нами части нынешнего города Устюга, в начале XVIII в. постройки располагались по Леонтьевской и Ильинской набережной, площадь же от этих церквей, по направлению к

Воскресенской церкви была пахотным местом, занята была „полем“. Застройка этого поля началась сравнительно в позднейшее время и велась по направлению от собора к Ильинской церкви.

Воскресенская церковь построена в 1474 г. О построении ее Устюжский летописец говорит: „В лето 1474 в Нове граде Великом и на Устюге было моровое поветрие весьма великое, того ради Устюжане по обещанию своему поставили деревянную церковь во имя Воскресения Христова на поле за городом, близь Архангельского монастыря, над озером, и нарекли овыденное, потому что людие собравшеса со всего Града во един день оную церковь поставили и освятили, и тако преста мор“. В данном показании Устюжской летописи для нас важно свидетельство, что в 1474 г. место, где построена была Воскресенская церковь находилось за городом и что тут было поле, а около церкви озеро, или ров ¹⁾. В последующее время местность эта носит название „Сполья“. Так, Андрей Володимиров Агапитов в 1539 году купил дворище и с огородцем „на сполье к Леонтию чудотворцу идучи“. В 1542 г. он же Агапитов купил три дворища и с огороды на сполье к Леонтию святому идучи. В „данной“ памяти 1592 г. говорится про Воскресенские храмы, что они находятся „на сполье“ (Акты I, 92). И здесь земля считалась за великим князем: „а с другую сторону в межах великого князя земля, а позаде дворища великово же князя земля“; а по позаде дворищ (трех) великого князя земля“ — так говорится в купчих Агапитова.

Вблизи Воскресенской церкви, уже спустя довольно значительное время после ее построения образовалась деревня Деревенька, принадлежавшая Леонтьевской церкви. Сохранился план дачи земли этой дер. Деревеньки, сочиненный в 1762 году и точно определяющий старинную топографию этого уголка города Устюга. Относительно времени возникновения дер. Деревеньки на плане отмечается, что в писцовых Усольских книгах 186 и 190 годов Устюга Великой Леонтьевской церкви написана деревня Деревенька, а в жалованной 7101 года грамоте значится поляночная земля. Значит образовалась эта деревня между 1593 и 1678 годам и принадлежала она Леонтьевской церкви ²⁾. Земля дер. Деревеньки частью своей прилегала к ограде Михайла Архангельского монастыря в том именно ее месте, которое ныне идет параллельно с Красноармейскою улицею, (бывшею соборною, направляющеюся от соборной площади к Предтеченскому монастырю). Против угла этой ограды, крайнего к Предтеченскому монастырю был пруд, он и теперь есть (называется озеро Архангельское), и шла улица Шергина, приблизительно по направлению нынешней первой Воскресенской улицы. На плане, кроме Шергины улицы, указывается еще и дорога, „что ездят из города в деревню Шергину“, следовательно улица и дорога не одно и то же и Шергина улица пересекала указанную дорогу.

От угла монастырской ограды и Шергиной улицы, по направлению к Успенскому собору, на протяжении 48 сажен шла линия раздельная между землею дер. Деревеньки и Михайло Архангельским монастырем, при чем на право шла пахотная земля дер. Деревеньки, а налево ограда Михайло Архангельского монастыря. Затем, делался небольшой поворот налево и линия шла возле монастырской же ограды пашней

¹⁾ В иных редакциях Летописца говорится: „поставиша церковь Воскресение Христово овыденную над ровом“.

²⁾ Устюжский летописец под 1679 годом относит эту Деревеньку к числу деревень Михайло Архангельского монастыря, но такие не совсем точные сведения в Устюжском летописце встречаются не редко.

29 сажен 2 аршина и Крinoчным ручьем 15 сажен, всего 44 сажени 2 аршина, при чем направо была пашенная земля дер. Деревеньки, а налево Архангельский монастырь. Здесь соприкосновение с монастырем кончалось. От монастыря линия поворачивала к Воскресенской церкви и на протяжении 45 сажен шла Крinoчным ручьем, при чем на право была пашенная земля дер. Деревеньки, а налево оброчные дворовые места архиерейского дома. Таким образом линия доходила до Дресвянской улицы и по этой улице поворачивала к р. Сухоне. По Дресвянской улице линия шла на протяжении 98 сажен и опять по правую сторону от улицы была пашенная и частью огородная земля дер. Деревеньки, а по левую сторону оброчные дворовые места архиерейского дома. После указанных 98 сажен смежность с оброчными местами архиерейского дома оканчивалась и начиналась с левой стороны острожного ров. Направление рва от Дресвянки поворачивало в правую сторону и линия соприкосновения шла подле острожного рва на протяжении 46 сажен. Направо была огородная и пашенная земля дер. Деревеньки, а налево ров. После 46 сажен оканчивалось соприкосновение с острожным рвом и линия поворачивала опять вправо и начиналась с левой стороны пашенная земля Архангельского монастыря сельца Леонтьевского, а с правой шла пашенная же земля деревни Деревеньки. С разными поворотами ломаная линия соприкосновения с пашенной землей сельца Леонтьевского шла на протяжении 217 $\frac{1}{2}$ саж. и достигала Шергиной улицы, по которой делался поворот к началному пункту, к ограде Михайло Архангельского монастыря, при чем с левой стороны начиналась и все время шла пашенная земля Архангельского монастыря деревни Афонинской, а Шергино тож, с правой же стороны шла пашенная земля дер. Деревеньки. По Шергиной улице линия шла прямая, без поворотов, при чем от поворота по Шергиной улице через 25 сажен достигала до дороги, что ездят из города в деревню Шергину, затем после 114 сажен встречался прогон из деревни Деревеньки, а от прогона до окончания линии 60 $\frac{1}{2}$ саж., а всего по Шергиной улице линия была в 199 $\frac{1}{2}$ сажен и доходила до первой починной ямы, которая была вырыта на городской выгонной меже. Внутри описанной линии было всего земли дер. Деревеньки пашенной 9 десятин 932 саж. под дорогой 450 саж., под Крinoчным ручьем 71 саж. и под Воскресенскою церковью и под кладбищем ее, помещавшимися внутри дачи дер. Деревеньки 600 сажен, а всего 9 десятин 2053 сажени.

Крinoчный ручей протекал по земле сельца Леонтьевского, пересекал землю дер. Деревеньки, достигал ограды Михайло-Архангельского монастыря и протекал внутри его, соединяя бывшие внутри монастыря два озера и затем выливался дальше. Из последних озерков до настоящего времени сохранилось одно, расположенное внутри монастырской ограды в западном углу, в огороде. Сама деревня Деревенька находилась между Воскресенской церковью и Михайло-Архангельским монастырем. В конце XVIII века она состояла всего из двух дворов с 3 душами мужского пола экономических крестьян. На городском плане 1784 года она подписана внутри 24 квартала (около нынешней улицы Павла Покровского и площади Воскресенской церкви). Для двух дворов, конечно, места нужно было не много и в том или ином пункте она расположена была, во всяком случае, находилась между Воскресенской церковью и монастырем на площади нынешнего 24 квартала и все это место, в данное время было не город, а деревня, окруженная пахатной землей. Между прочим, на плане земли дер. Деревеньки 1762 года, недалеко от острожного рва и прилегая к земле сельца Леонтьевского, вычерчен очень небольшой четырехугольник, в форме трапеции, и о нем

написано: „Из вышеприведенной Леонтьевской церкви земли по указу Велико-Устюжской межевой канцелярии отведена Устюжским купцам, а финифтяным фабрикантам Афанасью и Стефану Поповым и железному заводчику Андрею Плотникову под дворовые места, под улицу и фабрику земля“.

К земле дер. Деревеньки прилегали пашенные земли сельца Леонтьевского и деревни Афонинской, а Шергино тож. На плане г. Устюга местоположение последней деревни показано на пустом пространстве между углом 28 квартала, который сходится с 29 кварталом и находящимися выше этого квартала показанными на плане двумя озерами. Рядом с дер. Шергино тут же показана дер. Подгуменье, или иначе Подгуменская. В стороне, левее, на пустом же месте, под 36 кварталом подписана дер. Красавино. И так в этом пустом месте, не отведенном под кварталы в городском плане 1784 года, расположены были три деревни. И в настоящее время место это, находящееся под Ивановской горой, есть место низменное и сырое, в прежние же времена тут было болото, почему и дер. Афонинская в XVI веке называлась еще „Подболотье“, за Воскресением Христовым, под бором, в Сухонском стану. Ивановская гора в то время была бором, под ней шло болото и вот в этом то подболотьи и основалась дер. Афонинская, а Шергино тож. Самое первое известие об этой деревне имеем от 1534 года, когда Артемий Федоров Шадриков купил у Орины Мартыновы дочери Владычня, а у Афонинския жены Цырениковы, да у Ивана Фомина Цыреникова два жеребья Афонинския деревни под бором, за Воскресением святым за старым, в Сухонском стану. Так как в этой купчей говорится, между прочим, что два жеребья куплены и с тем, что к ним „из старины потягло“, то на основании этих слов можно приходиться к заключению, что Афонинская деревня начало свое получила ранее XVI века быть может в XV веке. В 1583 году деревня эта продана была Михайло-Архангельскому монастырю с рожью и с ярью, и с парениною и со Ждановскими полянками, и с семяны со ржаными, и с яровыми, что в земле посеяно, oprичь половничья хлеба, половины ржи и яри, и с поскотиною, и со всеми с обеми дворы с своим и с половничьим, и со всеми хоромы, что на тех дворах хоромов стоит, и с банею, и с колодезем, и с овином, и с гумеником, и с поженею Синегодскою, против Адовского на берегу, и с логи, что в полях, и с лесы, и с притеребы, куды топор и коса, и соха ходила. И так, в конце XVI века деревня эта состояла всего из двух дворов. В конце XVIII века в ней уже было 7 дворов в них 15 душ мужского пола. Рядом с этой деревней стояла деревня Подгуменская и вблизи их дер. Красавино. Таким образом площадь нынешнего г. Устюга от Ильинской и Воскресенской церквей, даже от Архангельского монастыря и до конца города представляла из себя пахатныя поля и сенокосные луга, с расположенным на них небольшим количеством деревень.

В городском плане 1784 г. село Леонтьевское, с деревнями Шергино и Жилкино, показано в одной даче и земли у них 192 десятины 1624 сажени, из какого числа отведено под городские кварталы земли 129 десятин 426 сажени. Да еще из той же дачи 36 десятин 959 саж. между кварталами и рекой Сухоной заливной луг причислен к городу же для пристани судов. Из прежних заселенных мест сохранилась ныне отдельно от города стоящая и почти слившаяся с городом за Леонтьевским концом, дер. Жилкино, остальные заселенные места можно сказать поглощены городом Устюгом.

В XVII веке за большим острогом, т. е. вне посада Устюга, стояли монастыри Михаило-Архангельский мужской и Спасский девичий. На месте последнего монастыря ныне находится приходская Спасо-Преображенская церковь. Вблизи этих монастырей, по направлению от них к собору, часть местности была свободна от построек, так как тут находились полянки. Так, в 1590 году, против Архангельского монастыря, идучи от Архангела к соборному храму „на праве, подле Архангельскую улицу“ была полянка Спасского девичьего монастыря и с пустыми дворовыми местами. „А с другую сторону межа поскотинная улица“. На полянке этой в 1590 году сеян был яровой хлеб ячмень. И в то же время „по конец Гулыньския улицы, от города к Спасу идучи на праве“, была полянка Архангельская и на ней засеяна была рожь. И монастыри в 1590 году „поменялися теми полянками полюбовно, потому что Спасская полянка прилегла о Архангельской монастырь, а Архангельская полянка прилегла о Спасской монастырь“. (Акт I, 45, 46). Ныне на полянки эти нет и намека, вся бывшая под ними земля застроена и прежние монастыри стоят теперь уже не вне посада, а внутри города, в его центре. Кроме указанных полянок в прежние времена, по смежности с монастырями, были и другие полянки. Напр. в 1543 г. Архангельский старец Логин купил полянку, а „межа той полянке от Архангельского мосту конец, а другая межа той полянки конец по Семенову двору Зуева, да и по замонастырью у Спаса, да и с огуменным местом, а по сторон межа Архангельской враг, а с другую сторону по Палачеве яме“ (Акт I, 47).

С другой стороны Архангельского монастыря также находилась поляночка деревни Гудцова, „что пришла о ограду к Архангельскому монастырю, межа от прудца позади Спасского монастыря, да по изгороду, что позади Архангельского монастыря, противу монастырского кошошленного двора, в длину 101 сажень, по правой руке дорога, а за дорогою враг, а по левую руку монастырская ограда. А поперек от монастырския ограды да по изгороду, что на правой руке от дероги и с двема клинцы 73 сажени с полусаженью. Та поляночка отмерена к Архангельскому монастырю. А противу того взято на смен монастырския пашенныя земли деревни Торжина в ту же меру за врагом, а сошлась с домовою землею деревни Гудцово, межа о межу, идучи за враг от девичья Спасского монастыря и от слободы Новые Выставки, по правой руке монастырская земля деревни Торжина, а по левой руке домовая земля деревни Гудцова. И с левья руки от межи деревни Гудцова на правую руку по изгороду к деревне Торжину и старую овинную яму по межевую новую яму, а в ней вбит кол еловой, поперек 73 сажени с полусаженью. А в длину от новья межевья ямы, что от изгороды, по другую межнюю новую яму, а в ней гол же еловой, 101 сажень. А в другом конце от новья межняя ямы и по середке по старую межу деревни Гудцова тож 73 сажени с полусаженью. Та земля отмеряна и ямы покопаны и межа от орана к домовою земле деревни Гудцово (акты I, 43, 44). И так, в данном месте под полянкой и пашней состояло $6\frac{1}{2}$ десятин земли, вблизи же Архангельского монастыря и нынешней Спасопреображенской церкви были незастроенные пахотные земли.

Между нынешним 83 кварталом и протекающим перед ним ручьем, на нынешней Заовражской улице, расположена была дер. Гудцово, а Козлово тож. До 1562 г. она была домовою деревнею ростовских архиепископов, в этом же году перешла к Михаило-Архангельскому монастырю и было тогда „дворов в той деревне два, а во дворе хором по избе да по сенику, да по пристену. Да у обеих дворов мыльна, да

гумно одно и овин один у обоих дворов. А межа той деревне по старым межам от Архангельского монастыря по тын по монастырской от покотинны от логу да к коровью двору, да от коровья двора по изгородке к Ивановской дороге. А с другую сторону от деревни Торжинския по старым межам (акт I, 42). Так как сначала она принадлежала ростовской кафедре, то место ее расположения и считалось „в Митрополье стану“, затем эта местность называлась „Нововышлым станом“, а не относилась к посаду, или городу Устюгу. В 1679 г. в деревне Гудцова жили Архангельского монастыря половники, пашни паханые средние земли было 14 чети в поле, а в дву по тому ж, сена нет и за сено, за 40 копен, дано переложные земля на 4 чети, лесу пашенного 3 десятины, а не пашенного 6 десятин (акты II, 51). В 1784 г. в деревне этой было экономического ведомства крестьян 3 двора и в них 8 душ муж. пола. Так как размеры этой деревни были очень небольшие, то под постройками ее и было занято очень малое пространство на Заовражской улице против середины 83 квартала, (как это показано на городском плане 1784 года).

Смежная с землей дер. Гудцова была земля Михайло-Архангельского монастыря деревни Торжина, которая бывало стояла под Устюгом под посадом у Торжинского озера, против выставки (акты II, 54). В писцовых книгах 1586 г. она написана в Усольском (Сольвычегодском) уезде, в Баскачье стану, и к этому уже времени она из деревни обратилась в пустошь Архангельского монастыря и при ней пашни перелогом худые земли было 1 чети в поле, а в дву по тому ж (акты II, 51, 53). Расположена она была от дер. Гудцова по направлению к нынешнему Смольниковскому озеру. В прежнее время вид этой местности был иной против нынешнего. Когда была дер. Торжино тогда Смольниковского озера еще не было. Об образовании этого озера в Устюжском летописце имеем такие сведения. До 1761 года между нынешними первою и второю частями города Устюга был ров, в который и стекала ручьями вода из озер, расположенных около Михайло-Архангельского монастыря. Ров этот был узкий и правый берег его служил жителям обвалом и осыпью. Пред Городищем ров этот раздвоялся и облекая Городище с двух сторон доходил до р. Сухоны. В весеннее время из реки Сухоны лед и прорывался в этот ров. В 1761 г. от случившегося затора лед из Сухоны бросился стремительно в ров, разрыл берега его и разрушил стоявшие на них дома и снес их с землею, так что после наводнения остались местами грубчайшие ямы, глубиною до трех сажен. Таким образом, в это именно время и образовалось существующее ныне озеро, которое и названо Смольниковским, по причине жившего тогда близ него купца Смольникова. Земляной мост очень недавнего происхождения—построен в 1866 г. Он разделяет собою два существующие здесь озера: ближайшее к городищу называется „Безымянным“, по другую же сторону моста—Смольниковским.

Недалеко от Спасского девичья монастыря в XVI веке была слобода Новая Выставка. Самое название этой слободы располагает предположить, что образовалась она если не в указанном XVI веке, то во всяком случае в ближайшее к нему время. Местоположение ее может быть указано приблизительно точно, так как и в настоящее время это место, вблизи Спасо-преображенской церкви, известно под именем Выставки. Это именно место между рвом и 17 кварталом. Семнадцатый квартал, как он обозначен на городском плане, может быть разбит на две части: одна будет иметь форму квадрата, а другая, смежная с ней, форму треугольника. Выставка и находится против квадрата семнадцатого квартала, на до рвом здесь проходящим. Не смотря на то, что место

это очень небольшое по пространству, здесь в конце XIX века было около 8 домов. Постройка была скученная и некоторые домики были очень малых размеров. В случившийся в 1901 году пожар все постройки здесь сгорели, а так как они занимали неплановые места, то и не могли быть вновь возобновлены, почему место это и осталось незастроенным, однако наименование Выставки за этим местом сохранилось и до ныне. На городском плане Выставка расположена против Гудцова, и между ними овраг. Деревня Торжино была против Выставки, следовательно она была тут же, но с другой стороны, быть может против треугольника семнадцатого квартала, т. е. ближе к земляному мосту. Около этого же места бывало в старину и озеро Торжинское.

За исключением указанных трех населенных пунктов—Гудцова, Торжина и Выставки—вся прилегающая к ним местность от Архангельского и Спасского монастырей, по направлению на восток, была незастроенная, состояла из полей, полянок, покотины и лесу. Далес, по направлению к дер. Маринину, стояла в Сухонском стану дер. Володинская. А в межах та деревня с Архангельскою же деревнею с Марининым, а с другую сторону с посадскою покотиною, с Ямской деревнею и со Владычнейю землею с Гудцовым⁴. (Данная 1582 г. Акты I. 53). Ныне между Марининым и Устюгом такой деревни нет. Бывшая смежность ее с посадскою покотиною и землею дер. Гудцова может дать основание к предположению, что и местность этой деревни вошла впоследствии времени в черту городскую.

Нынешняя вторая часть города Устюга первоначально вся состояла из отдельных населенных пунктов: сел, деревень, слобод, с окружающими их пахатными землями, озерами и болотами, при чем постепенная разработка земли и заселение ее идет начиная от рва, отделяющего Городище от второй части.

Недалеко от смежной с Городищем церкви жен мироносиц в XVI веке расположено было Мироносицкое сельцо, за которым была Симанова полянка и около нее Симаново озерко, у симанова же озерка, „промеж болот“, по писцовым книгам 1623—1683 г.г. написана полянка Веретейка, на которой девять мест дворовых церкви жен мироносиц, в них написанной писцовой меры по исчислению явилось 11 десятин 782 сажени, а при межевании в 1761 году явилось в полянке Веретейке и дворовых местах под селидбою 240 сажень, пашенной земли 8 десятин 1525 сажень и сенокосных покосов 1100 сажень, а всего 9 десятин 945 сажень.

Для точного определения местоположения указанных пунктов могут дать руководственные указания следующие слова грамоты 1679 года: „В Устюжских книгах письма и меры Микиты Вышеславцева, да подъячего Агея Феодорова 131, 132, 133 и 134, (т. е. 1623—1626 годов), написано на Устюге Великом на посаде за Мироносицким сельцом, на Симанове полянке, отведено Устюжским стрельцом, 50 человеком, Слобода под дворы и огороды, по выбору земских судеек и старост, и целовальников, и всех посадских людей, в длину по 10 сажень, а поперек по 4 сажени. Веретейка по конце Симоновского озерка, на заполье, промеж болоты, что осталось тое веретейки у Стрелецкия слободы на оброке Стретения иресьвятия Богородицы Владимирския и святых жен Мироносиц за церковным старостою за Гришкою Келейниковым“ (Акты II, 51). На плане г. Устюга 1784 г. полянка Веретейка, „что ныне дер. Копылово“, как о ней сказано на означенном плане, показана протянувшюся по кварталам 95, 100 и 101, 109 и 108, доходящую до 112 квартала и малым углом захватывающую 113 квартал. Величина ее

показана в 10 десятин 1881 сажень. Деревня Копылово при этом отмечена на смежных углах 96 и 95 кварталов, прилегающих к Успенской улице (нынешнему Советскому проспекту). На 96 квартале показано небольшое озерко и на более позднем плане на этом именно 96 квартале отмечена Стрелецкая группа. Из сопоставления всех этих данных и можно заключить, что показанное на 96 квартале озерко и было Симоново озерко, а Симонова полянка располагалась на этом же 96 квартале. Следовательно, местоположение Мироносицкого сельца будет на углу 96 и 97 кварталов, ближайших к Успенской улице. На этом приблизительно месте Мироносицкое сельцо указывается и в сотной книге 1630 года. Здесь говорится, что Мироносицкая площадь была против указанных в книге Мироносицких церквей „против старые осыпи от мирских дворов идучи к Сухоне реке до мосту Сретенских ворот в длину 98 сажень, а поперег в одном месте 42 саж., а в другом месте 26 саж. (Устюг Великий, стр. 20, 21), т. е. площадь была от церквей на восток, или иначе—располагалась она от Успенской улицы к алтарям церковным, где площадь находится и в настоящее время. Затем, в сотной книге указываются „дворы против Мироносицкой площади идучи от кабака к Мироносицкому сельцу по левой стороне“. По кабаку названы были в большом остроге кабацкие ворота, а они расположены были в 50 сажнях от стоявшей в Городище наугольной Вознесенской башни по направлению к нынешнему земляному мосту. Кабак стоял против кабацких ворот в нынешней первой части города и если идти от него через нынешний земляной мост по нынешней второй части города, то придется идти приблизительно по Советскому проспекту (прежней Успенской улице) и согласно сотной книге направо будет Мироносицкая площадь, налево указанные в книге дворы мирских людей на протяжении 59 сажень, направление же пути будет к Мироносицкому сельцу, т. е. это последнее и оказывается расположенным на определенном выше месте на углу 96 и 97 кварталов и на Успенской улице.

Смежная с полянкой Веретейкой и прилегающая к ней показана на плане 1784 года вдоль кварталов 101, 108 и 113 полянка Петровская владения экономического Ведомства крестьян, размерами в 4 десятины и 130⁰ слишком сажень. Так как полянки Петровская и Веретейка представляли из себя пахатную землю, при чем Веретейка находилась еще и между болотами, то, следовательно, даже в XVIII веке отмеченные кварталы г. Устюга, с прилегающею к ним местностью, были местами незастроенными пустопорожними, занятыми пашней, сенокосом и болотами. Около этих незастроенных мест построенные дома обывателей образовали отдельные группы, которым и присвоены были свои наименования. Так, около Георгиевской церкви в 1714 году местность застроенная от церкви по направлению к земляному мосту, или по нынешней первой Георгиевской улице, называлась Большой слободой, а Песья тож. Здесь в 1714 году было живущих 32 двора, 2 избы, 1 избенка и еще 3 пустых двора и 10 дворовых мест. Из последних 3 дворовых места взяты под Георгиевскую церковную площадь под кладбище, значит слобода эта подходила к самой Георгиевской церкви. Первоначально она называлась „улица Песья слобода“—так названа она в сотной 1630 года и писцовой 1676—83 г.г., или просто „Песья слобода“ (1651 г.); впоследствии она стала называться Большой слободой и это последнее наименование встречаем напр. в 1844 году, следовательно, свое особое наименование за данной местностью сохранялось и в дальнейшее последующее время. ¹⁾

¹⁾ В первой части г. Устюга, в Леоптьевском конце, местность чрез квартал выше по течению р. Сухоны от церкви Леоптия Ростовского, именно начиная от на-

Против Песей слободы „за Георгием Стратотерпцом“, как говорит писцовая книга, была Слобода же и в ней в 1714 году было 10 дворов, 5 избенок и 2 дворовых пустых места.

От Георгиевской церкви вправо была Красная слобода, в ней в 1714 году было 38 дворов, 31 избенка, 3 двора пустых, одна избенка пустая и 5 пустых дворовых мест. Переписная и писцовая книга 1676—83 г.г. указывают в Красной слободе еще переулочек. Местоположение Красной слободы на плане г. Устюга точно указывается на 87 квартале и против этой слободы на 96 квартале на том же плане показана стрелецкая группа. На смежном с 87 на 88 квартале местность известна под названием Кукуй, а на 84 квартале Пески.

Время заселения данной местности может быть указано приблизительно довольно точно, именно вторая половина XVII века. В Писцовой книге 1683 года говорится: „За острогом же на новых местех церковь св. стратотерпцов Христовых Бориса и Глеба нареченных во св. крещении Романа и Давида и св. вел. муч. Георгия Победоносца построена после прежних писцов“. (Устюг Вел. 74 ст.) Об этой церкви точно известно, что построена она в 1659 г. по конец Песей слободы. Итак, до указанного года существовала Песья слобода и за ней сразу же начинались „Новые места“, следовательно, поселения на этих местах, именно по смежности с нынешней Георгиевской церковью, и стали образовываться около 1659 года. Поселения эти образовали из себя слободы. Кроме указанных сельца и слобод, на площади нынешней 2-й части г. Устюга было еще несколько деревень.

На незастроенных и ныне 58 и 62 городских кварталах, на местности, где эти кварталы сходятся один с другим и вблизи с городской границей, на плане 1784 г. обозначено небольшое пространство, на котором подписано: „дер. Микрюково“ на плане показано, что в этой деревне в 1784 г. было 17 душ крестьян. Ныне тут никакой деревни нет, а есть деревня Микрюкова в двух верстах от города Устюга. Можно думать, что эта последняя деревня является выселком из первой и появилась после выработки и утверждения нового плана г. Устюга, (т. е. после 1804 года), когда крестьянам деревень, вошедших в городскую черту предложено было переселиться на другие места и на переселение выдавались от города денежные пособия. Нынешняя дер. Микрюково, по всей вероятности, и образована крестьянами, переселившимися из прежней деревни, вошедшей в городской план, и вместе с домами своими перенесшими на новое место и прежние наименование деревни.

Внутри 73 квартала, на месте также ныне незастроенном, была деревня Ямская, а Гольцово тож. В старину она считалась состоявшею в Усольском (Сольвычегодском) уезде. Упоминается она в данной грамоте 1582 г., как смежная с дер. Володинской (акты I, 53). В 1784 г. в ней было 10 душ крестьян.

На двух углах пустующих и ныне 90 и 93 кварталов, смежных с углом 91 квартала, была дер. Бирюкова.

На трех кварталах, прилегающих один к другому, на 114, 119 и 118, была группа деревень, а именно: на 114 дерев. Семеновская, в

бережной и вдоль по улице, между 6 и 7 кварталами по современному плану, (ныне улица Равенства), прежде была известна под названием „Козья слобода“, или „Козья слободка“. По аналогии с Песей слободой второй части города, можно предположить, что и в указанном месте Леонтьевского конца бывало когда-то особое поселение под названием Козья слобода, но когда именно такая слобода возникла и долго ли она существовала, прежде чем оказалась поглощенной городом, никаких сведений пока не имеем.

1784 г., состоявшая из 3 дворов, с 8 душами жителей, на 119 деревня Деревенька, а Гогарская тож из 6 дворов с 21 душами жителей и на 118 дер. Вареничиха, из 5 дворов с 11 душами жителей. Так как и во всех этих деревнях в 1784 году было только 14 дворов, то на плане каждая из них занимает очень небольшое пространство квартала и расположены они близко одна к другой. Относительно деревни Вареничихи в грамоте 1679 г. пишется: „Деревня новая Полянка, а Вареничиха тож, выставок с Устюга с посаду, а в ней Архангельского монастыря один человек половник, пашни паханные середине земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому же, сена 10 копец, в живущем полчети и пол-полчети, а в пусте пол-пол-чети выти, да старые примерные пашни 5 чети с полуосминою и с четвериком, оброку с дву поль 8 алтын 5 денег, поскотина в Прости, лесу нет“ (акты II, 47). Итак, деревня эта сравнительно недавнего происхождения и обязана она своим возникновением Михайло-Архангельскому монастырю. Относительно поскотины в этой же грамоте в другом месте пишется: „поскотина волчая с Устюжскими деревнями у реки Двины словет Прость“. Вареничиха считалась в Усольском уезде. По сильной грамоте 1593 г. Фома Подосен, Еремеев сын Сумкин, отдал на посилье „свою полплуга земли в Пятницком сельце Назимове“ Осипу Аверкиеву сыну Скулина, при чем отдана земля „и с двором, и с пожнями. А двор на посаде в Семионовском приходе на берегу“ (акты I, 134). По купчей 1616 г. Мария Аверкиева дочь Скулина, а Корионовская бывшая жена, а во иноцех Марина, да меншей Аверкиев сын Скулин, да Володимер Иванов сын Корионов продали Устюга Великого Архангельского монастыря архимариту Варламу, еже о Христе с братьею Усольского уезда, в Пятницком сельце, плуг земли Алексеевской и Подосеновской в Назимове, за Симеоном Столпником, и с двором, что на берегу у Симеона Столпника да другой двор на пашенной земле за Симеоном Столпником и со всеми хоромы, что в том дворе на той плужной земле (акты I, 132). В заголовке у этой купчей написано: „Список с купчия Назимова, а Варениково тоже“. Итак, земля под дер. Вареничихе перешла к Михайло-Архангельскому монастырю в 1616 г. и с этого, конечно, времени, а не раньше, стала она обрабатываться половничьим трудом. Вареничиха, как деревня, в купчей 1616 г. не упоминается, почему и можно заключать, что образовалась она уже после этого года. Раньше земля встречается в актах в такой группировке: „Пятницкого сельца и Леонтьевского конца и Дымкова и Назимкова (акты I, 28, 29).

Пятницкое сельцо упоминается уже в духовной в. кн. Василья Васильевича 1462 г. В писцовой 1676—83 г.г. Пятницкая церковь показана „поконец посаду нижнего конца у реки у Сухоны“, про самое Пятницкое сельцо сказано, что оно „в Усольском уезде, а владеют Архангельского и Ивановского монастырей старцы и гость Василей Грудцын. Козма Березовской, к церквам в. муч. Парасковей, нареченные Пятницы, Симона Столпника, Прокопия Устюжского чудотворца церковные старосты, гостя Афонася Гусельникова жена Федора Петрова дочь, гостинной сотни Яковлевская жена Усова, с'езжей избы подьячей Афонасей Дружков с братом Яковом, а по каким крепостем Пятницким сельцом владеют крепостей владельцы не положили“ (Устюг Великий, стр. 141). В переписной 1714 г. Пятницкое сельцо не описано. На городском плане 1784 г. сказано, что Пятницкое село вообще обмежевано с деревнями Семеновской, Деревенькой (Гагарская тож) Вареничихой, Погановской, Ямской (а Гольцова тож), Сметаниной, Соколовой, Коромысловой, Марининой, Михайловской, Рогозиной, Сулинской, что земли удобной 1052 десятины 883 саж., из какого числа „означенного села

Пятницкого с деревнями в городскую черту подходит удобной земли 174 дес. 1904 саж. Само Пятницкое село осталось вне городской черты и ныне стоит рядом с гор. Устюгом.

На том же городском плане 1784 года, в перечислении деревень, между Вареничихой и Микрюковым, поставлена дер. Потановская, состоящая из 3 дворов с 12 душами жителей, но где именно деревня эта находилась—на плане не видно, хотя несомненно она вошла в черту городскую.

Все деревни окружены были пашнями, а так как построек в деревнях было в общем мало, то в прежнее время нынешняя вторая часть города имела вид не посадский, или городской, а сельский—деревенский. Кроме того, деревенский простор этой части нынешнего города увеличивался еще располагавшимися на ней сверх указанных выше еще другими бывшими на ней полянками. На плане 1784 г. обозначены пунктиром следующие полянки и в таких размерах.

Полянка Кривая, в 8 десятин 2274 саж. занимала весь 68 квартал, немного захватывала 61 и 70 кварталы и распространялась на пусто-порожном месте до 60 и 69 кварталов.

Полянка Круглая, в 2 десятины 1957 саж расположена была на части 70 квартала до 81 и пустопорожном месте по направлению к 82 кварталу.

Ямская полянка, в 1560 саж., находилась внутри 66 квартала.

Асетрова полянка, в 5 десятин 241 саж., занимала более половины 88 квартала около шестой части 77-го и захватывала немного 78 и 89 кварталов.

Полянка Семеновская в 1 десятину 1112 саж., располагалась на четырех смежных углах кварталов 102, 103, 107 и 106.

Итак было 5 полянок и в них немного менее 19 дес. земли.

И к настоящему времени вторая часть против городского плана далеко не застроена. Из 62 кварталов, отведенных под эту часть, и ныне 30 кварталов совершенно не застроены, 6 полузастроены и 4 мало застроены. Совершенно застроено около трети отведенного места.

За рекой Сухоной, на правом ее берегу, расположено Дымково, как часть города. Возникновение здесь поселения уходит во времена глубокой старины. В духовной грамоте в. князя Василья Васильевича 1462 г. упоминается Дымкова сторона и с деревнями, и с присельи. Эта часть города носит название Дымковской слободы (ныне называется Робеспьерова слобода). В 1714 году в ней было всего 30 дворов живущих, 11 избенок и 2 кельи, 7 дворовых мест запустевших от пожаров и 2 пустых дворовых места. Жителей в них было 242 человека, из которых 55 человек было нищих. Из 43 жилых помещений, жившие в 21 дворе подати платили, а жившие в остальных 22 помещениях (дворах и избенках) податей не платили, в большинстве случаев, за скудость и нищетою. По плану 1784 г. под Дымково отведено 20 кварталов (с 122 по 141 включительно), но из них и по настоящее время застроено и полузастроено только 6 кварталов, группирующихся около Дымковских церквей и вблизи р. Сухоны; остальные 14 кварталов и теперь свободны от построек. Застроена в Дымкове более возвышенная часть и остается незастроенною местность сравнительно низменная, в весеннее время годами сильно затопляемая.

На плане 1784 г. в Дымковской слободе показано 75 деревянных домов великоустюжских граждан, под которыми городской земли 3 дес. 1679 саж. Кроме того на плане отмечено село Дымково около церквей

Дымковских и в нем отмечено 4 двора крестьян экономических, а земли 18 десятин 2376 саж. Рядом с церквями показана писцовая церковная земля села Дымкова, владения священно-церковнослужителей, размерами в 1 десятину 770 саж. Остальная, отведенная по Дымкову под город земля, взята из пустошей и пахотных земель, существовавших прежде в этой местности. Так кварталы 132, 133, 134, 136, 137, 138 расположены на пустоши Леонтьевской, при чем на 134 квартале обозначена дер. Дымковская Выставка и в ней экономических крестьян 4 двора.

Удобной земли в Леонтьевской пустоши 23 десятины 1121 сажень из какого числа в городовую черту взято 18 десятин 1574 сажень. Деревня Дымковская Выставка в настоящее время не существует и занимавшееся ею когда то место ныне стоит пустопорожним. Сельцо Леонтьевское на Дымковской стороне существует издревле и сохранилось до нынешнего времени. Расположено оно рядом с Дымковской слободой, вверх по р. Сухоне, и ныне состоит всего из 4 домов. Выше этого сельца и рядом с ним, вверх же по р. Сухоне, расположена дер. Онбово из 14 домов. Леонтьевское сельцо и Онбово совершенно слились одно с другим и представляют из себя как бы одно поселение.

На квартале 141 показана д. Ивашевская экономических крестьян и при ней удобной земли 30 десятин 1121 саж., из какого числа в городскую черту взято земли 27 десятин 2335 саж. Деревня Ивашевская существует и ныне и считается отстоящею от Устюга в 1½ верстах— вот какое пространство по плану должно бы находиться под городскими постройками.

Части кварталов 128, 131, 132 и 140 расположены на пустоши Хохреково в 6 десятин 530 сажень.

127 и 122 кварталы и смежная земля по направлению к р. Сухоне расположены на пустоши Плужной села Дымкова экономических крестьян, в ней 3 двора, земли 10 десятин 1686 сажень.

139 и 140 кварталы захватывают часть земли дер. Барсуковой размером в 3 десятины 1233 сажени.

По р. Сухоне, вверх от Дымкова, на плане 1784 г. показаны две деревни Добрынина, одна экономических крестьян и в ней удобной земли 22 десятины 1304 сажени, из какого числа в городскую черту отведено 7 десят. 380 сажень, и другая дер. Добрынино купеческой жены Плотниковой, в ней удобной земли 8 десятин 1730 саж., из которой в городскую черту отведено 4 десятины 1269 сажень.

Итак, хотя указанные земли и отведены под город и на них намечены кварталы, но они и доныне стоят не застроенными.

На так называемых Ивановской и Красной горе по плану 1784 г отведено под городские строения 25 кварталов, но из них и по настоящее время застроено менее половины этого числа. В представлении Устюжан Ивановская гора всегда являлась местом покрытым лесом-бором. В начале образования г. Устюга, по преданию о Багуче-баскаке Буге—в XIII веке, гора эта была загородным местом охоты, куда ездили „за град прохладения ради и ловитвы“. В XVI веке здесь был бор, так что расположенная под этой горой, за Воскресенскою церковью, дер. Офонинская—Подболотье называется стоящею „под бором“ (акты I, 82). В XVIII веке, по воспоминаниям старожилов, „Ивановская гора, тогда не населенная, была покрыта густым лесом, в котором скрывались не желавшие идти в солдаты“ (Брагинск. Лет стр. III). Первоначальное заселение Ивановской горы шло под влиянием основанного на этой горе монастыря Иоанно-Предтеченского. По переписной книге Устюга Вели-

кого 1714 года население Ивановской горы располагалось в трех местах. Во-первых, „близь Ивановского монастыря, на монастырской беспашенной земле, живут избенками того Ивановского монастыря вкладчики и вкладчицы“. Избенки в книге все перечислены и их оказывается было только 10 и в них жили 10 вкладчиков с их семействами, 12 вкладчиц с их семействами же, а всего у этих 22 вкладчиков и вкладчиц было, и с ними самими, 65 человек жителей; была еще одна Устюжанка с тремя сыновьями и две нищие. Таким образом, в данном месте, в 10 избенках, жило всего 27 лиц муж. пола и 44 женск. пола, а обоего пола 71.

Во-вторых, „в Устюжском уезде за Ивановским монастырем погост на Красной горе, на данной Ивановского монастыря на пашенной земле. После переписных книг 186 году вновь построены со 199 (с 1691 г.) две деревянные церкви, строение мирских людей подающим, да поселились около тех церквей дворами и избенками монастырские вкладчики и нищия бобылями и живут без пашни“. Число жителей и строений в данном месте в переписной книге не указано. В-третьих, от Ивановского монастыря по увалу, на правой стороне, т. е. по направлению к Яиковскому монастырю, стояло 10 дворов, 51 избенка жилых и 1 избенка пустая. Здесь жили монастырские вкладчики, а именно: 15 Архангельского монастыря, 18 Ивановского и 1 Филлиповской пустыни и еще 24 нищих. Так как все эти жители были семейные, то у монастырских вкладчиков было 51 муж. пола и 61 жен. пола, всего 112 человек, нищих было 52 муж. и 75 жен., всего 127 человек. Все эти жители были малообеспеченные и потому податей в посад не платили, при чем иные из них „за скудостью“, а другие и прямо „за ницетою“ и „для того, что у них на Устюге Великом торгов и промыслов, и лавок, и анбаров не было“. Кроме вкладчиков и нищих по увалу жили еще члены причта Покровской церкви с их семьями, так что всех жителей здесь было 142 муж. и 192 жен., а обоего пола 334 человека; всего же на Ивановской горе (кроме Красной горы) было жителей 169 муж. п. и 236 жен. пола, т. е. 405 человек обоего пола.

Образовавшееся первоначально вне городской черты, поселение на Ивановской горе было, как бы загородным поселением и память о таком положении этой части города Устюга, можно сказать, доселе жива в представлении ее жителей. И в настоящее время, отправляющиеся отсюда, напр. на рынок, говорят, что они идут „в город“ и наоборот с рынка идут „на гору“, как место отдельное от города.

На Ивановской горе, на так называемых неномерных местах, равным образом на таких же неномерных местах и в других частях города, напр.: в Городище, Катышеве около Смольниковского озера, в некоторых местах второй части, до последнего времени сохранились жилые избенки размерами в 2—3 сажени по лицу, а некоторые и менее 2-х сажен, построенные крайне скученно, без всякого порядка и иные даже пристроенные одна к другой вплотную. — По лицу иные в два окна, а встречаются и в одно окно. Эта, контрабандным путем ремонтируемая, живая старина, сохранилась от прежних времен, когда в большинстве деревянные постройки в г. Устюге были очень малых размеров и строились на ближайшем одно от другого расстоянии. Группы указанных избенок могут дать нам некоторое представление о характере городских построек, существовавших в Устюге в давнопрошедшие времена.

Когда говорят о городе Устюге, обычно представляют себе город в том самом виде и состоянии, в каких он находится в данное время, как будто город всегда был таким, каким видят его ведущие о нем речь. Старинное местное предание о когда то состоявшемся переселении города с Гледена на нынешнее место понимают в том смысле, что данное

поселение, именно как целый город перенесено было на новое место, переставши существовать на прежнем месте. Принимаются при этом на веру и высказанные автором Устюжского летописца Львом Вологдиным причины, объясняющие переселение города с одного места на другое, именно подрыв Гледена рекою Югом и частые нападения на Гледен неприятелей. Но положительно можно сказать, что такие представления не соответствуют действительности. Дело в том, что и после возникновения Устюга на нынешнем его месте, город Гледен продолжал существовать, как город, на своем прежнем месте и одновременно с г. Устюгом в течение более двух столетий, значит, переселения города с одного места на другое не было. Далее, никакая река за это время Гледена не подмыла и от нападения неприятельских он отбивался даже успешнее вновь возникшего города Устюга. Так, по летописцу, в 1398 году беспоконные новгородцы „в судах своих Сухоною приплыв к Устюгу, на селение в Черном Прилуке, стоящее под Сокольею горою, сожгли, волости и посады опустошили и разграбили; под Гледеном же стояли три недели, но без успеха“. „В 1436 году Василий Косой пришел на Устюг Великий, под град Гледен, под которым стоял (ожидая Вятчан), а между тем на всякий день приступал ко граду, но града взять не мог... по опустошении и разорении окрестных волостей и сел, не могущи града взять, то начал лукавством граждан обольщать“. По Устюжской летописи „в лето 6946 (1438), на Троицын день, приходили Вятчане ратью на Устюг Великий, град Гледен сожгли и пуст учинили, людие вси в лес убегли“. Итак, вот до какого времени существовал Гледен на своем первоначальном месте, одновременно с городом Устюгом. Очевидное дело, никакого переселения его на новое место, при возникновении гор. Устюга, не было. Могло быть только выселение части жителей, каковое, конечно, и было, так как жители на новом месте должны же были откуда нибудь появиться. Часть их и выселилась из Гледена. В тоже самое время являлись насельники и из других мест. Так напр., Летопись Велико-Устюжская указывает на одного из первоначальных поселенцев в г. Устюге—земледельца Двинской трети, Уфтюжской волости монаха Кириана. Устюг возник на своем месте и развился в город в течение долгого периода времени. В данном случае было постепенное завоевание человеком первобытной природы, обращение болот и дико растущего леса в пашни и сенокосы, постройка деревень, сел и в конце-концов слияние всех постепенно возникших поселений в один город. Процесс роста города совершался в течение многих столетий. Если за это время Устюг не прекратил своего существования, а развился в город и при том в большой город, в Устюг Великий, то это потому, что в жизни его встретились благоприятные условия и, конечно, главным образом экономические условия, которые и способствовали развитию первоначально маленького поселения в большой город. Если древний Гледен, в конце-концов, прекратил свое существование, как город, то значит в его жизни этих благоприятствующих условий не оказалось, или они исчезли, если ранее были. На территории нашей губернии было много городков и городищ, но они не развились в действительные города. Некоторые из них донныне продолжают свое существование под видом сел, как, напр., село Звиженье вблизи г. Устюга, которое в писцовой книге 1620-х годов описано как „село, что была деревня Городище на реке на Сухоне и на устье речки Звиженки“, или, напр., Кичменгский Городок в бывшем Никольском уезде, и много других. Некоторые из бывших городков и совершенно исчезли с лица земли, так что упоминание о них можно встретить только в старинных актах. Автор описания городов и замечательных мест Вологодской губернии, коснувшись вопроса о пересе-

лении Устюга с Гледена, говорит: „Переселение это было сделано, по-видимому, с тою целью, чтобы укрыться за рекою от нападений дикой Чуди, живущей по Югу. Теперь, когда эти побудительные причины давно уже совершенно исчезли, нельзя не жалеть о том, что Устюг не остался на прежнем месте. Не говоря уже о необыкновенной красоте местоположения древнего города, построенного на перекрестке трех величественных рек, Гледень был совершенно безопасен от весенних наводнений, которые ежегодно угрожают нынешнему Устюгу новыми опасностями. Грунт черной Луки вообще мягкий, представляющий слабую преграду усилиям весенних вод, и часть берега, на котором построен Устюг, совершенно низменная. При вскрытии реки, весенний лед, будучи удерживаем в своем движении напором Юга, останавливается, запружает Сухону, которая направляет тогда всю стремительность свою на левый берег, прорывает себе новые протоки и разрушает все встречающееся на пути. Деревянная набережная, беспрестанно возобновляемая с большими издержками, далеко не обеспечивает города от этой опасности“¹⁾. Эти сожаления имели бы основание в том случае, если бы действительно было переселение Гледена с первоначального места его поселения на новое; но так как такого переселения в действительности не было и Гледен, просуществовавши 2½ столетия после возникновения г. Устюга, прекратил свое существование, значит в жизни его оказались отсутствующими экономические условия, благоприятствующие поддержанию существования города и высказываемые сожаления являются поэтому излишними.

II.

Городовые укрепления.

Городище в г. Устюге, изолированное от прилегающей к нему местности с одной стороны р. Сухоней, с остальных же окружающими его рвами, представляло из себя место прежде всего самой природой более или менее огражденное от вражеских нападений. С течением времени, это естественное ограждение, поселившимися на нем и около его Устюжанами, было усилено искусственными укреплениями. Нужда в укреплениях в то время чувствовалась настоящая. Дело в том, что Устюжане очень часто воевали, при чем или сами нападали, или же подвергались нападениями со стороны врагов. В Устюжском летописце не мало отмечено таких военных случаев. Так, под 1218 годом отмечено нападение на Устюг и разорение его Камскими болгарами. В некоторых списках летописи это событие неправильно помещено под 1192 годом и приписывается в нем разорение Устюга казанским татарами (так напр. в печатном экземпляре летописи у Титова, у которого летописные события и начинаются с этого именно факта). В 1323 году новгородские купцы, возвращавшиеся из земли Югорской в Новгород, быми ограблены Устюжанами, за что Новгородцы в следующем 1324 году разграбили г. Устюг. Затем, в 1329 году Устюжане ограбили и убили новгородских купцов и промышленников, отправлявшихся в Югорскую землю. В 1386 году Устюжане участвуют в походе против Новгородцев.

1) Военно-статистическое обозрение Российской Империи Том II, часть 3 Вологодская губерния. Спб. 1850 г. стр. 374 - 375

В 1393 году Устюг взят и разграблен новгородцами. В 1398 году новгородцы, приплыв к Устюгу, население в Черном прилуке состоящее под Сокольею горою сожгли волости и посады опустошили и разграбили. В иных списках летописи это же самое событие опять-таки помещено под другим годом—под 1299—с разницей на целое столетие и совершенно не верно. В 1401 году Устюжане участвуют в походе вниз по Двине реке на Заволоцкую землю, а в 1417 году на Двинскую землю. В 1425 году снова Устюжане предпринимали поход вниз по Двине против великой силы новгородцев. В 1438 г. Вятчане приходили войной на г. Устюг. В 1441 г. Двиняне воевали г. Великий-Устюг. В 1446 г. приходили войной на г. Устюг Казанские татары и т. д. Вражеским нападениям и разорениям подвергались в то время не только города, но и небольшие деревни. Так, наприм., пять домохозяев, живших не особенно далеко от Устюга, на починке на Глубоком враге, в 1544 году свидетельствуют о себе: „нас на том починке рать повоевала и пожгла, и нам на том починке силы не стало жити“ (акты I, 59), или, напр., в 1603 г. крестьяне Сухонского стана отдали на роспашь пустошь Брягинское, на речке на Звиженке, „а та пустошь (как значится в акте) с большой рати запустела и великим лесом поросла“ (там же стр. 73). При вражеских нападениях жителям приходилось или разбегаться по лесам, или же укрываться в укрепленных горах. Укрепление городов, прежде всего, и состояло из окружающих города глубоких рвов и воздвигаемых кругом их земляных насыпей, так называемых „Осыпей“. В дальнейшем, строились кругом города и деревянные укрепления в виде стен и башен. Устюжское городище изначала окружено было рекой и рвами, издавна же устроена была кругом его и осыпь. Само собой понятно, что в настоящее время нет возможности с точностью определить, в какой мере городище было ограждено самой природой и в какой степени Устюжанам пришлось усиливать эти ограждения искусственным образом, т. е. было ли городище, как ныне, кольцом окружено рекой и рвами, или же в известной части, как вероятнее всего нужно предположить, пришлось Устюжанам выкапывать и самый ров, употребляя получаемый при этом материал на возведение в городище искусственно же воздвигнутой осыпи. Во всяком случае рвы и осыпь—это самое первоначальное укрепление городища и в нынешнем своем виде городище носит на себе явные следы искусственного образования. Время построения деревянных укреплений кругом городища Устюжскими летописцами определяется не одинаково. В экземпляре летописи из собрания А. А. Титова (Т. Л. № 1) под 1399 годом пишется „На Устюге Великом на посаде обложили город около святого Покрова Пречистые Богородицы монастыря“. (А. Титов. Летопись Великоустюжская 27 стр.), т. е. устройство деревянных укреплений кругом городища отнесено здесь к 1399 г., так как Покровский монастырь и был именно внутри городища. В других экземплярах летописца это событие отмечается под 1438 годом. В летописце подписанном „из книг Петра Юринского“ читаем такое сообщение: „В лето 6946 (т. е. 1438 г.) на Троицын день приходили Вятчане ратью на Устюг Великий, град Гледен сожгли и пуст учинили, людие вси в лес убегли. Того же лета град Устюг заложен на посаде в Черной Луце около монастыря пресвятыя Богородицы Покрова“. Как видим, последняя часть повествования данного летописца говорит о том же самом событии, о котором говорится и в первом летописце, т. е. о начале устройства деревянных укреплений в городище, при чем вместо 1399 года здесь указывается 1438 год. Другие летописцы, как напр. Титовский печатный и многие рукописные экземпляры летописи, о нападении Вятчан на Устюг на Троицын день и уничто-

жении ими Гледена рассказывают также под 1438 годом и прибавляют: „Того же лета на посаде, в Черном Прилуке, сделана большая осыпь и город деревянный с башнями, от Покровского монастыря, что ныне именуется городище, даже и по за собору окруженный“. Разница в сообщениях получается та, что в экземпляре Юринского говорится об укреплениях кругом городища, а в печатном и других рукописных экземплярах об укреплениях кругом посада. Но так как положительно известно, что последние укрепления, на самом деле воздвигнуты были уже в гораздо позднейшие времена, а не в первой половине XV века, то, следовательно, при разрешении вопроса о том, когда именно приступлено было к возведению деревянных укреплений кругом Городища, т. е. в 1399 или же в 1438 году выбор остается делать только между летописцами Т. Л. № 1 и экземпляром Юринского. Конечно, за неимением положительных данных, окончательно решить этот вопрос пока невозможно. Однако, основываясь на сообщении летописи о том, когда укрепления были окончены, можно сделать тот или иной вывод. Под 1445 г читаем, что на вратах градских, на башне новопостроенного Городища на Прилуке поставлен был нерукотворенный образ. Следовательно, к этому именно году деревянные укрепления кругом Городища были закончены. По некоторым другим, более верным летописным указаниям, поставление на вратах градских нерукотворенного образа было в 1447 г., но тут получается разница небольшая. Затем, Устюжская летопись под 1446 годом рассказывает о нападении на Устюг казанских татар и как они несли на головах Пасады свои вместо щитов „и так пришедши зажгли город, от которого зажигательства две городовые стены у нижних ворот сгорели. Граждане же, крепко ратующе, огонь погасили и татар прогнали“. Следовательно, деревянные укрепления кругом Городища в это время были. Но как скоро в 1445 или 1447 году эти деревянные укрепления считались новопостроенными, то начало их постройки вернее будет относить к 1438 году, а не к 1399 году, потому, что если бы они начались строиться в 1399 году, то к 1445 году были бы значительно устаревшими и обветшавшими, а никак не новопостроенными.

Деревянные укрепления кругом Городища возведены были устюжанами в тот год (по указанию Устюжского летописца) и после того случая, как вражеским нападением сожжены, были деревянные укрепления древнего Гледена и этот последний был опустошен. Значит до указанного момента, в данном месте были два укрепленных пункта, при чем Гледен обладал даже более сильными укреплениями, чем Городище в Устюге. С 1438 года остается один укрепленный пункт — Устюжское Городище, которое и снабжается более усовершенствованными по тому времени сооружениями.

✓ В начале в Устюге укрепленным местом было одно Городище. Затем, по свидетельству Устюжской летописи, в 1478 году великий князь Иоанн Васильевич Московский (т. е. Иван III) прислал от себя курьера в Устюг Великий к наместнику своему Петру Федоровичу Челяднину с таким приказанием, чтобы старый град разрушить, а новой построить с распространением оного (Тит. 41 стр.). В некоторых экземплярах летописца это повеление великого князя значит под 1479 годом, при чем в одном экземпляре встречается и точное указание распространения укреплений: „в Городище, и по осыпи около собора, и по Выставке“.

✓ О дальнейшем укреплении города летопись говорит под 1537 годом: „Устюг обнесен новою деревянною стеною. Сие бысть четвертые укрепления града Устюга“. (Тит. 47 стр.). В истории Карамзина об этом укреплении говорится под 1538 годом: „Устюг окружили стенами“

(VIII, 44). Конечно, если за первые городские укрепления считать возведение вала и устройство земляной осыпи, то укрепления 1537—38 г. можно считать четвертыми. В некоторых экземплярах летописи есть известие под 1582 годом: „Город Устюг вновь укреплен и башни снабжены пушками“. О пушках даже встречается такое пояснение: „литыми в 1545 году которые и поставлены были в деревянных стенах и башнях на увалах около Городища в крепости и у острога“.

Последние городские укрепления воздвигнуты были, в так называемое, смутное время на Руси. По свидетельству жития прав. Прокопия, в 1613 году ожидалось на Устюг нападение польских и литовских людей. Воеводой в Устюге в то время был Михаил Александрович Нагово, или Нагой. По его совету все Устюжские горожане, или как говорится в житии, „вся старейшины градские, богатые и убогие и вся православные христиане“ поставили острог, т. е. деревянные укрепления „по прежней градской осыпи“, т. е. по старому Городищу „и круг носаду“, т. е. начиная от Городища и кругом города, до тех мест, „пока не загородили в острог соборную церковь и церкви праведных Прокопия и Иоанна“. Устюжская летопись о многих годах смутного времени рассказывает под одним 1598 годом. Поэтому, под этим годом помещено в ней повествование и о возведении укреплений при воеводе Михаиле Александровиче Нагом, который „слышав о приближении (поляков и литовцев) ко граду, советова со гражданы поставити острог окрест града по большой градской осыпи, которым бы хотя соборную и чудотворцов Устюжских, Прокопия и Иоанна, церкви заградити... Соделавше же окрест града стены и башни, поставили на них пушки и стражу, ожидающие их, (т. е. поляков и литовцев) нашествия“. Тит. (стр. 51). Состояние этих укреплений подробно и описано в сотной книге 1630 года. Здесь укрепления разделяются на укрепления „старого городища“ у реки Сухоны на берегу и, так называемого, „большого острога“.

В 1630 году Городище являлось в следующем виде. Прежде всего оно представляло из себя разносторонний четырехугольник, у которого восточная сторона короче других сторон и углы этой стороны закруглены, почему здесь в углах получается кривая линия. Сторона обращенная на север, к площади Иоанно-Богословской церкви, приблизительно на середине, имела, так называвшиеся, Спасские ворота, в длину и в ширину по $3\frac{1}{2}$ сажени. На воротах была башня рубленая о четырех углах и были „двой бой“: верхние да средние, и на воротах же вверху был нерукотворенный образ Спасителя, почему ворота и назывались Спасскими. Вправо от этих ворот, т. е. по направлению к реке, на протяжении $48\frac{1}{2}$ сажени шла стена, которая и заканчивалась у реки Наугольной башней, имевшей в одну сторону 3 сажени, а в другую сторону $2\frac{1}{2}$ сажени. Влево от ворот, т. е. по направлению к нынешнему земляному мосту, шла осыпь на протяжении $42\frac{1}{4}$ сажени, которая и заканчивалась наугольной Вознесенской башней, рубленой в четыре угла, а мера башне во все стороны по 3 сажени. Таким образом, с этой стороны длина Городища была $100\frac{1}{4}$ сажени. От Наугольной башни, стоявшей у реки, вниз по течению р. Сухоны, по берегу ее, шла осыпь на протяжении 38 сажени, до, так называвшейся, средней башни, что в стене против Сухоны реки, а башня огнила и развалилась, а мера ей во все стороны по 2 сажени. От средней башни до ворот, что в стене к реке Сухоне 29 сажени; на воротах башня, а мера в воротах $2\frac{1}{4}$ сажени в длину и 2 сажени поперек. От ворот до наугольные Дмитриевские башни $23\frac{1}{2}$ сажени, а башня круглая о шести стенах и мера каждой стены $1\frac{3}{4}$ сажени. Таким образом, по берегу реки Сухоны Го-

родище имело $100\frac{1}{2}$ сажени. Описанные две стороны Городища в первой наугольной башне образовывали из себя очень острый угол. От наугольной Дмитриевской башни, назовем ее второй наугольной, по южной стороне Городища шла осыпь на протяжении 52 сажени, до Сретенских ворот, а на воротах была башня рубленая в 4 угла, а на ней двой бой: верхний да подошвенный, а мера воротам меж углов вдоль и поперек по 3 сажени. От Сретенских ворот по восточной стороне Городища, до наугольной Вознесенской башни, шла осыпь на протяжении 42 сажени, Южная и восточная стороны Городища образовывали собой тупой угол, в котором и стояли Сретенские ворота. Эти две стороны и с башнями имели протяжение 100 сажени. Таким образом, Городище имело протяжение в длину всего по осыпи и в воротах, и по башням, и по стенам $300\frac{3}{4}$ сажени. Внутри этого пространства была площадь земли немного более 5200 квадратных сажени. О состоянии укрепления Городища сотная книга говорит: „а по осыпи был острог, тын стоячей во многих местах подгнил и обвалился“; средняя башня также огнила и развалилась.

Внутри Городища находились: соборная церковь Покрова Пречистые Богородицы, древяна клетцы, о трех верхах, да в пределе чудо архистратига Михаила, да в другом пределе св. великомученицы Екатерины, другая церковь Варлаама Хутынского, да в пределе Казанские Богородицы, древяна клетцы об одном верху; двор государев зелейной, т. е. для хранения военных снарядов и припасов. На нем были разных калибров и разного устройства пищали 19 немецкого дела, 95 русского дела, 146 устюжского, 2 московского; 72 самопала, тюфяки, ядра, дробь, пульки и пр. Про пищали сказано, что для некоторых из них ядер нет, из некоторых стрелять нельзя, или две пищали медные недолиты, устюжское дело, стреляти из них можно, а ядер к ним нет. Относительно 101 ядра сказано, что „ни к одной пищали не пригодятся“. В зелейном дворе был погреб, а в нем 84 пуда пороху и 33 пуда свинцу. Против Спасских ворот, внутри Городища, были три тюрьмы: опальная, татийно-разбойная и бражная, тут же стояла сторожевая изба, а в ней жили целовальники и сторожа. Переводя на наши понятия, тюрьмы предназначались для заключения в них преступников первая—политических, вторая—уголовных и третья для вытрезвления пьяных. Внутри же Городища находились еще 27 дворов живущих, 8 мест дворовых, 1 место порожнее и 20 амбаров.

От водяных ворот к Сретенским воротам была улица, застроенная с обеих сторон. Около церкви Варлаама была площадь. В виду очень небольших размеров всей площади Городища и сравнительно большого количества находившихся в нем построек, эти последние, в общем, были малых размеров и размещены скученно. Размеры дворов были в $4\frac{1}{2}$ саж. длины и 3 сажени поперек, или 5 саж. дл. и $3\frac{1}{2}$ саж. поперек, некоторые дворы были впрочем и несколько больших размеров. Амбары были в длину и в ширину по 2 сажени. Про некоторые амбары прямо указано, что они поставлены посадскими людьми и волостными крестьянами „для осадного времени“. Про места дворовые отмечено: „а кто в них живал, старожилцы сказали, того не упомянут“.

Соединялось Городище с окружающей его местностью двумя мостами. Первый мост, чрез ров, вел из Городища в посад и построен был против Спасских ворот. На этом мосту, пред помещенною на Спасских воротах иконою, бывало, Устюжане отправляли молебствия, приходя сюда в среды и пятки с крестным ходом из Успенского собора ежегодно, начиная „вешним временем в воскресный день“ и до 16 августа. Местоположение Спасских ворот может быть указано совершенно точно. На стороне Городища, обращенной к площади Иоанно-Богословской

церкви, есть выступ, подле которого и в ущерб которого проложена из рва дорога в Городище. Дорога эта позднейшего происхождения. Когда Городище было крепостью ее не было, не было ее и в XVII в. и в последующее время до уничтожения моста. Спасские ворота и стояли на этом самом земляном выступе, подвергнувшись большим разрушениям чрез устройство в нем дороги. Другой мост чрез ров вел в нынешнюю вторую часть города и был построен против Сретенских ворот.

Ко времени писцовой книги 1676—83 г.г. в Городище произошли следующие перемены. Спасские ворота остались на прежнем месте, над ними стояла башня рубленая четверугольная, брусеная, длиной в $4\frac{1}{2}$ сажени и поперек в $4\frac{1}{3}$ сажени, следовательно, против 1630 года башня новая, расширенная. На верх башни поставлена церковь шатровая нерукотворенного образа, над воротами же в притворе у той церкви Спассов образ нерукотворенный в киоте. От той церкви и от Спасских ворот к реке Сухоне, к месту, где была Наугольная башня, осталось городской стены только 40 сажень, остальное все смыло водой. Вниз по р. Сухоне по направлению, где стояла Дмитриевская башня, весь берег, со всеми укреплениями на нем, подмыло водой и снесло, и вместо прежних $100\frac{1}{2}$ сажень длина этого берега стала всего 84 сажени. По южной стороне Городища берег также смыло и от края берега до Сретенской башни осталось всего 42 сажени, вместо прежних 52. Расстояние от Сретенской башни до Вознесенской (42 саж.) и от Вознесенской до Спасских ворот ($42\frac{1}{4}$ саж.) остались прежние; только в писцовой книге сказано про них, в том и другом случае, „по увалу стены“, тогда как в 1630 году здесь показана была осыпь. Про Вознесенскую башню сказано, что башня „без верху“, размеры же ее прежние, в длину и поперек по 3 сажени. Про Сретенскую башню сказано: „башенного места 3 саж., поперек тож“, следовательно, размеры здесь не убавились. Что касается до стены, то здесь о ней общее замечание: „а стене высота 3 саж., широта 2 саж. с $\frac{1}{2}$ арш.“. Еще сказано: „город был деревяной, рубленой, покрыт тесом, а ныне весь ветх и от реки Сухоны городовую стену рекою сметало; а от Петровской улицы городовая стена развалилась“. Вычисливши по сведениям указанным в писцовой книге 1683 г. площадь Городища и сравнив ее с площадью 1630 года видим, что за 50 лет отполоскало рекой Сухоней площади Городища около 900 квадратных сажень, т. е. около шестой части прежнего Городища.

Внутри Городища в 1683 году стояли те же две церкви и с теми же приделами, что и в 1630 году. Для хранения военных снарядов, как то: пушек, пищалей, тюфяков, ядер и проч., сделан был сарай, к которому для мелкого ружья поставлен амбар, тут же стоял пороховой погреб, а у него: выход каменный, двери железные, а над тем погребом сарай в длину 9 сажень поперек $4\frac{1}{2}$ саж. В том же Городище были две тюрьмы, огороженные стамовым тыном, и изба сторожевая. Внутри Городища были двор Спасского попа, три дворовых и огородных места, отведенные церковникам Покровской церкви, место дворовое, осадное Григория Дм. Строганова, осадной двор Архангельского монастыря, да семь амбаров. В том же Городище построены были 25 дворов посадских людей, да 17 дворов стрельцких и в 1679 году велено было те дворы из Городища вынести. По переписной книге 1714 года в Городище были двор государев на проезд начальным людям, какой двор в 1714 году стоял пустым, да священниковых и причетнических и других жителей было 13 дворов да 10 избенок. Кроме того переписная книга перечисляет 25 дворов и 3 дворовых места, которые в 1679 году велено из города вынести, а владельцам их поселиться за Мироносицким сель-

цом на мироносицкой церковной пашенной оброчной земле; также указанная книга говорит и о 17 дворах стрелецких, которые по тому же указу 1679 г. из городской осыпи велено вынести, а стельцам поселиться на Симонове полянке. Распоряжение об отводе земли под стрелецкую селитьбу за Мироносицким селцом на Симонове полянке сделано было еще при царе Михаиле Федоровиче, когда пятидесяти человекам Устюжским стрельцам отведена была слобода под дворы и под огороды, в длину по 5 сажень, а поперек по 4 сажени (Устюг Великий, 36 стр.) Здесь намечены были и пять улиц с названиями их по фамилиям пятидесятника и четырех десятников, имевших на них поселиться.

К нынешнему времени площадь Городища, конечно, еще более уменьшилась, сравнительно с 1683 годом, так как река Сухона продолжает оказывать разрушительное свое влияние на этот замечательный по древности памятник. Кроме разрушительного действия стихии и человеческого невежество является еще причиной разрушения памятника. Та выемка в осыпи с восточной стороны, какая сделана против алтаря теплого Варлаамовского храма, очень недавнего происхождения и сделана в восьмидесятых годах XIX в., при чем земля с осыпи бралась по распоряжению инженера, поправлявшего набережную, для засыпки ям, как будто для этой последней цели нельзя было найти земли в другом месте, а нужно было непременно разрушать многовековой памятник. Необходимо, однако, отметить, что принимаются меры и к сохранению этого памятника. Со стороны реки Сухоны, более всего угрожающей нашему памятнику, берег укрепляется выстилкой. Первоначально укрепления устроены были деревянные, а в последнее время берег выслан булыжным камнем, каковая выстилка, после случающихся весенних повреждений, аккуратно и поправляется.

Городище считается первоначальным пунктом, с которого началось возникновение города Устюга. Это, следовательно, самое старое место в городе. Естественно было бы, отсюда, ожидать, что оно явится и самым благоустроенным украшенным с монументальными внутри зданиями. В действительности оказывается далеко не так. За все свое многовековое существование Городище не успело отстроиться и всегда заключало в себе деревянные небольшие избышки. Устюг расстраивался и украшался вне городища, а оно, как и ныне, всегда было переполнено деревянными полуразваливающимися домишками, с постоянными при них дворами. Единственные две каменные постройки в Городище это две церкви. В случившийся на 14 сентября 1698 г. пожар сгорело в Устюге 8 деревянных церквей, со всякою утварию (Русск. Историч. Библ. XII, 1417), в том числе сгорели и деревянные церкви в Городище (Уст. Лет.). После этого пожара, в 1704 г. построена в Городище каменная холодная церковь во имя преп. Варлаама Хутынского, с теплым приделом во имя чуда архистратига Михаила и это была первая каменная постройка в Городище. Впоследствии времени с западной стороны к церкви этой сделана пристройка, а к ней прикладено неуклюжее крыльцо. Другая церковь, теплая, во имя архистратига Михаила построена в 1884—1888 годах. Итак, каменное строение здесь сравнительно недавнего происхождения.

О характере деревянного строения исчерпывающие данные получаем в дошедших до нас результатах переоценки построек г. Устюга, а следовательно, и точного их определения, произведенного, в 1844 году. В Городище, кроме церквей, все постройки в этом году были деревянные и они состояли прежде всего из домов, которых было 17, из них 5 старых, 7 ветхих, при чем из ветхих о двух отмечено, что они подвержены падению, а при одном ветхом построена позади комната. Из

остальных 5 домов про один отмечено, что он поправленный, один с пристроенной позади новой избой, следовательно, сам то он был не новый, и про 3 дома сказано просто: дом деревянный двухэтажный, дом двухэтажный, дом деревянный низменный крыт драньем, т. е. у этих трех домов не отмечена степень их давности и прочности. При 14 домах устроены были дворы, 9 крытых и 5 некрытых, при чем 11 дворов предназначалось для постоя. Дома были вообще небольшие, один был в 2 сажени в ширину и в 4 сажени в длину, 3 дома имели в ширину по 2½ сажени, а в длину были 4, 5 и 6 сажен, 8 домов были шириной по 3 сажени каждый, а в длину один 4 сажени, два пяти сажен каждый, 2 по 6 сажен, 1—8 сажен и 2 по 10 сажен; один дом был в длину и в ширину по 4 сажени и один дом и с двором был 5 сажен в ширину и 10 сажен в длину.

Кроме домов с дворами в Городище в 1844 году было еще 9 деревянных изб, из которых 1 новая, 1 старая и 7 ветхих, из числа последних про одну отмечено, что она подвержена падению. Размеры изб также были небольшие. Одна изба была всего в сажень ширины и 2 сажени длины, одна пяти аршин ширины и 3 сажени длины, две были по 2 сажени в ширину и по 3 сажени в длину, три по три сажени в ширину, а в длину в 3, 4 и 7 сажен, у остальных изб размер не показан.

Были еще в Городище 2 лавки, 3 амбара, из которых 1 ветхий 2 погреба, из них 1 ветхий и 2 бани.

Ветхие и небольшие по размерам строения эти очень дешево и оценивались в свое время. Против двух изб отмечено, что по ветхости оне к оценке не подлежат, остальные оценены: дома от 10 рублей (именно дом ветхий подверженный падению) до 70 рублей, а избы от 6 рублей до 20 рублей; все же строения Городища, во всей их совокупности, оценены были в общей сумме в 926 руб. Шестирублевая изба или десятирублевый дом, конечно, не могли представлять из себя грандиозных построек.

По социальному положению владельцы, всех этих домов и изб были: 8 мещан, 5 мещанок, 2 мещанских дочери, 3 крестьянина, 1 церковный дьячек, 3 солдата и 1 солдатка.

Итак, вот Городище в 1844 году по его внешнему виду и внутреннему состоянию. С внешней стороны оно являлось на небольшом пространстве скученным собранием в большинстве малых по размерам и ветхих по качеству построек; с внутренней стороны оно в массе своей заселено было мещанами, с небольшим количеством крестьян и одним из источников пропитания жителей было содержание постоянных дворов. Построенное и укрепленное для оказания приюта окружающему населению при вражеских нашествиях, оно, впоследствии времени стало местом приема вообще приезжающих в город окрестных жителей. Так живуча оказалась традиция и вот в какую вылилась она форму. Несколько постоянных дворов существовали в Городище до самого последнего времени. Характер деревянных построек и к настоящему времени не изменился здесь к лучшему. И ныне видим здесь домики частью очень малых размеров и частью полуразваливающиеся.

Большой острог начинался от наугольной башни, что на старой осыпи, которая стояла против Вознесенской церкви и называлась потому Вознесенскою. Отсюда, по направлению к нынешнему Смольниковскому озеру, была стена в 50 сажен длины и затем кабацкие ворота, а на воротах рубленая башня в 4 сажени вдоль и поперек. Кабацкие ворота названы так потому, что они построены были против стоявшего тут кабака. От Кабацких ворот укрепление шло вдоль рва, по направ-

лению к деревне Выставка и здесь было прежде всего, по стене, до круглой глухой Корелины башни 39 сажен, далее до круглой Коровкины башни 117¼ саж.; от Коровкины башни, по стене, до круглые Ивановские башни 98 сажен. Ивановская башня получила свое название от Ивановской дороги, которая пролегла между Архангельским монастырем и дер. Гудцовым (Акты I, 42) и очевидно шла на Ивановскую гору. От Ивановские башни до Спасских ворот 105 сажен, а на воротах башня рубленая в четыре угла. Спасские ворота были около Спасского девичья монастыря, от которого они и получили свое название Спасский монастырь, как и дер. Выставка, были вне построенного заграждения. От Спасских ворот, по стене, до глухие Круглые башни 69 сажен, отсюда до другой глухой Круглой башни, по стене 62 сажени, а от этой башни, по стене, до Архангельских ворот 51 сажень, а на воротах башня рубленая о четыре угла. От Архангельских ворот до глухой Дресвянской башни, по стене, 46 сажен. Архангельские ворота получили свое название от Михайло-Архангельского монастыря, против которого они стояли. Монастырь этот в городское укрепление не вошел. Так как улица Дресвянка от монастырского тына находилась в 45 саженях, а получившая от этой улицы название Дресвянская башня была в 46 саженях от Архангельских ворот, то, следовательно, последние были в западном углу монастырской ограды, ближайшем к нынешней Красноармейской улице. От Дресвянской башни, по стене, до круглой Воскресенской башни было 45 сажен. улица Дресвянка была внутри городского заграждения. Воскресенская башня получила свое название от Воскресенской церкви, оставшейся вне городского заграждения. В данном месте стена шла по полю, между башней и церковью не было никаких строений, почему башня и могла представляться стоящею именно против церкви. От Воскресенской башни, по стене, до Леонтьевских ворот 43 сажени, а на воротах башня рубленая в четыре угла. Леонтьевские ворота получили свое название от Леонтьевской церкви. Хотя последняя и стояла вдали от ворот и крепостной ограды, но место между церковью и оградой было пустое, незастроенное, и ворота находились против церкви. От Леонтьевских ворот, по стене до наугольные до круглые башни, что у реки у Сухоны на берегу 45 сажен. Эта наугольная башня стояла недалеко от того места, где ныне стоит Ильинская церковь. Так как она называлась Наугольной, а не Ильинской башней, то очевидно построена была тогда когда Ильинской церкви еще не существовало. Название Воскресенской башни определяет время устройства укреплений после 1474 года,—времени построения Воскресенской церкви; но выше и сказано было, что начало постройки этих укреплений относится к 1478 году. От Наугольной башни укрепления шли возле реки Сухоны, вниз по течению ее, и до Пречистенских ворот было 75 сажен, а на воротах башня рубленая о 4 угла. Пречистенские ворота находились между Ивановскими храмами, т. е. между нынешними каменными церквями Иоанна блаженного и Власневской церковью. Назывались они Пречистенскими потому, что стояли против Успенского собора, или как он всегда назывался Успения Пречистые Богородицы отсюда и ворота пречистенские. Ворота эти стояли на берегу реки, против западного соборного крыльца. Этими воротами совершались крестные ходы из Успенского собора на р. Сухону для освящения воды в спасов день 1 августа и 6 января в Богоявление. От Пречистенских ворот, вниз по р. Сухоне и по самому берегу подле р. Сухоны, были построены ворота и башни, и острог, до городской Наугольной башни Городища, и все эти укрепления в 1620 году сгорели. А были они на таком про-

тяжении: от Пречистенских ворот до Команихина двора 108 сажен, ¹⁾ отсюда до воротного места, что были Рождественские ворота 99 сажен, далее до воротного Никольского места 81 сажен, затем до Свинского воротного места 88 сажен и, наконец, до городской Наугольной башни, что на старой осыпи у реки у Сухоны на берегу 45 сажен. И всего большому острогу мера по воротам и по башням и по стенам 1304 $\frac{1}{4}$ сажени. В этом числе от Наугольной Вознесенской башни, чрез Кабацкие ворота, до Архангельских ворот было 612 $\frac{3}{4}$ сажени, от Архангельских ворот, чрез Дресвянскую и Воскресенскую башни, до реки Сухоны 182 сажени и от Наугольной башни на Сухоне, по берегу реки Сухоны, до Наугольной же башни на Городище 509 $\frac{1}{2}$ сажен. Укрепления по Городищу, от Наугольной башни на Сухоне, чрез Спасские ворота, и до Наугольной Вознесенской башни, на протяжении 91 $\frac{1}{4}$ саж. были общими, как для Городища, так и для большого острога, и собственно принадлежали они Городищу, почему в счет укреплений большого острога и не включены. В виду того, что у укреплении по большому острогу в сотной 1630 года нет отметок, что какая либо часть их подверглась разрушению вследствие тленья, т. е., что какая либо часть их сгнила и развалилась, как это указано у укреплений Городища, можно заключать, что укрепления по большому острогу были свежее укреплений существовавших на старом Городище. Однако просуществовали эти укрепления после 1630 года не особенно долго, так что в писцовой 1676—83 г.г. о них встречаем такое сообщение: „где бывал прежний большой острог и башни, а ныне того острогу и башен нет, все развалилось из давних лет“ (Устюг Великий 44 стр.). Если отсчитать от 1683 года давние годы, то они, конечно, должны очень приблизиться к 1630 году, времени, когда укрепления были еще целы; следовательно, вскоре после этого года они постепенно приходили в ветхость и развалились, как о том свидетельствует писцовая книга 1676—83 г.г. По состоянию укреплений и находившегося в них военного снаряжения можно видеть, что во второй половине XVII века нужда в этих укреплениях уже в Устюге не чувствовалась так остро, как это было прежде, в первые века существования города, почему укрепления эти и стали постепенно приходить в упадок, а затем и окончательно уничтожились.

Старое Городище кругом укреплено было глубоким рвом и рекою Сухоней. Было ли такое именно полное ограждение у нового укрепления большого острога положительно сказать нельзя, но что и здесь рвы были это несомненно. Прежде всего, начиная от Городища, т. е. от наугольной Вознесенской башни, укрепление шли по берегу нынешнего Смольниковского озера к дер. Выставке, что была против дер. Гудцово ²⁾. Но в старинные времена тут и шел ров, значит с этой стороны укрепления ограждены были рвом. Затем, в Сотной 1630 года указываются: а) „ров за Спаскими вороты в глубину сажень с четью, а поперег 4 сажени“, б) „ров за Архангельскими вороты в глубину 1 $\frac{1}{2}$

1) Сотная книга 1630 года Команихина двора не описывает, но приблизительно на том месте, где он должен был стоять прежде, судя по местоположению названной по его имени башни, встречается в ней такое описание: „во дворе Якушко Команев, корнится о людях, длина 39 сажен, а поперег 11 сажен, с четью; а меж дворов подъячего Володимира Никитина и Якушка Команева переулком от реки от Сухоны да ко Вдыхальной улице, поперег того переулка 1 сажень“ (Устюг Великий 11 стр.). Если допустить, что Команихин двор бывал дворпостоялый, а потому для всех и известный, то размеры его очень большие сравнительно с другими дворами того времени, и положение у переулка делали его вполне удобным для постоянного двора.

2) В некоторых списках Устюжской Летописи под 1479 годом о распространении укрепления говорится: „около собору и по Выставке“.

сажени, а поперег 4 сажени; в) за Леонтьевскими воротами ров от мосту и до реки до Сухоны в глубину сажень с четью, а поперег 4 сажени“.

Сотная книга 1630 года, описывая Городище, а затем укрепления от Городища, делает такие между ними различия—первое называет старой осыпью, а второе большим острогом, при чем в последнем отмечает ворота, башни и стены, в трех случаях упоминает рвы и нигде не говорит здесь об осыпи. Однако осыпь была и в этом новом укреплении, на что встречаются ясные указания в переписной книге 1714 года. Здесь, напр., сказано про один двор, построенный на берегу р. Сухоны, по течению ниже Ильинской церкви, что построен он „на Пречистенском берегу подле осыпь“, т. е. здесь говорится об осыпи, которая шла против Успенского собора. Около Архангельского монастыря указаны после переписных книг 1678 года вновь построенные 3 двора и 11 избенок, затем „против этих избенок за осыпью во рву, идучи от Архангельского хрестца по левую сторону поставлены после переписных книг 1678 года вновь 10 избенок“. Итак, здесь и осыпь, и ров указываются. Далее, „на архиерейской оброчной земле пашенной за осыпью и рвом, идучи к Спасскому монастырю по левой стороне“ указаны вновь поставленные 5 дворов. Из Гулыни улицы, вышед на право „к острожной осыпи лицом“ 5 дворов, 10 избенок и 4 дворовых места. Еще, на монастырской пашенной земле Архангельского монастыря, „за городской острожной осыпью“ показаны 4 двора Архангельских вкладчиков. Как видим, острожная осыпь была устроена и около места, огражденного большим острогом. Писцовая книга 1678—83 г.г., исчисляя меру осыпи, где бывал прежний большой острог, говорит, что „всего по старой острожной большой осыпи меры 1050 сажен с полуаршином“ (Устюг Великий 44 стр.), т. е. дает знать, что осыпь была по всему большому острогу. Устюжский летописец также говорит, что на посаде в Черном Прилуке сделана большая осыпь. от Покровского монастыря, что ныне именуется Городище, даже по за собору (под 1438 годом). Хотя это сообщение помещено и не под тем годом, когда в действительности осыпь была сделана, тем не менее оно ясно показывает, что память об осыпи во время летописца была жива среди устюжан. К настоящему времени от этой осыпи не сохранилось и признаков, однако память о ней сохранилась в народе. Ежегодно, в Преполовенье день, совершается в г. Устюге крестный ход из Успенского собора по набережной р. Сухоны до Городища, отсюда к Вознесенской церкви и через ограду этой последней на Преображенскую (ныне называемую Красной) улицу и по ней до угла Преображенской ныне Комсомольской площади. По диагонали пересекается Комсомольская площадь и проходят между Преображенскими храмами, направляясь к стене Михаила-Архангельского монастыря. Затем, подле монастырской стены, на Красноармейскую улицу и по ней к реке Сухоне и в собор. В простонародьи этот крестный ход так и называется „хождением по осыпи“. Конечно, путь этого хождения не воспроизводит осыпи в точности, да это и не возможно, так как во многих местах прежняя осыпь вошла в черту городских кварталов и застроена домами, но приблизительно все-таки это хождение несколько воспроизводит направление существовавшей когда то осыпи. От Вознесенской церкви хождение правильно направляется к Преображенской улице, но дойдя до нее нужно было бы еще несколько продолжить путь к существовавшей прежде дер. Выставке и затем идти параллельно Преображенской улице, а не по этой последней, онако так сделать невозможно, потому что прежняя дорога в настоящее время застроена домами. На Преображен-

ской площади, проходя между церквями, хождение правильно указывает, что бывший здесь Спасский девичий монастырь находился за осыпью, а не внутри укрепления. Хождением и Архангельский монастырь оставляется за осыпью, как это и было на самом деле; но дойдя до Красноармейской улицы нужно было бы еще несколько продолжить путь по направлению к Воскресенской церкви, примерно сажень на двадцать; и тогда уже поворачивать к реке и идти по пролежавшей тут прежде улице Дресвянке, но это невозможно, так как нужная в данном случае дорога застроена ныне домами.

Устюжане различают два хождения, одно по большой осыпи и другое по малой осыпи. Следовательно, в памяти народной сохранилось представление, что когда то прежде большая осыпь существовала в г. Устюге, да она действительно и была, как это ясно из всего вышесказанного.

Сотная книга в большом остроге указывает стены между наугольной башней и Кабацкими воротами, от Кабацких ворот до Корелины башни, от Коровкины до Ивановской, от Спасских ворот до Глухой круглой, от Глухой до другой Глухой, от Глухой до Архангельских ворот, от Архангельских ворот до Дресвянской башни, от Дресвянской до Воскресенской, от Воскресенской до Леонтьевских ворот и от этих последних до Наугольной башни, всего на протяжении 548 сажень. Нет упоминаний о стенах от Корелины башни до Коровкины от Ивановских до Спасских ворот, от Наугольной башни до Пречистенских ворот, всего на протяжении 297¼ сажень. От Пречистенских ворот и до Городища, на протяжении 431 сажени укрепления к 1630 году были сгоревшими. Внутри большого острога и располагался посад Устюг, который затем называется городом Устюгом; вне же посада, как сказано выше, на нынешней городской площади были села, деревни, слободы, полянки, болота, озера и т. д.

В. П. Шадрин.

Мелкая промышленность и промыслы Северо-Двинской губернии.

(В границах губернии 1925 года).

В экономической науке нет строго установившихся понятий для систематики форм промышленности и даже самые линии раздела, по которым следовало бы отделять одну форму от другой, далеко еще не ясны. Следует ли для сельско-хозяйственной, лесозаготовительной, строительной, транспортной, торговой деятельности вырабатывать для каждой особую систематику или классификацию всех этих видов промысловой деятельности можно объединить в одной системе—вопрос остается открытым. На съезде в Петрограде в 1902 году по вопросу об определении понятия кустарная промышленность, были высказаны настолько разноречивые мнения, что съезд вынужден был отказать от дальнейшего обсуждения этого вопроса и снять его с повестки дня. Поэтому в задаче описания мелкой промышленности и промыслов необходимо условиться о том, что будет вложено в содержание этих понятий.

Большое сходство ремесленного и кустарного хозяйства, частый переход промышленника из одной формы в другую, общность интересов на рынке сырья, а иногда и сбыта, допускают возможность объединения

ремесленной и кустарной промышленности в одном понятии. Дадим им общее название—мелкая промышленность. При учете мелкой промышленности обычно не включается домашнее производство, т. е. производство главным образом для своего хозяйства, а также работа на дому в тех случаях, когда руководство совершенно отделилось от исполнения, как, например, склеивание коробок для спичечных фабрик в нашей губернии.

Такие виды промысловой деятельности населения, как рубка и сплав леса, строительное дело, извозный промысел, мелочная торговля, охота, рыболовство, льноводство, будем учитывать в той мере, в какой, они дают заработок населению, оставляя в стороне ту долю их, которая идет на удовлетворение потребностей его собственного хозяйства.

Условившись таким образом понимать предмет настоящей работы, примем классификацию мелкой промышленности по профессиональным группам, определяя группы по виду вырабатываемых изделий.

Ниже будут приводиться данные о числе предприятий мелкой промышленности относящиеся к 1920 году и о числе промышленников к 1920 году и довоенному времени. В последнее время (после 1920 года) сплошных обследований губернии не производилось.

Рассмотрим мелкую промышленность по обработке минералов, металлов, дерева, продуктов питания, кож и других материалов животного происхождения, волокна и прочие производства в губернии.

I. ОБРАБОТКА МИНЕРАЛОВ.

Предметы выработки.	Число заведений.		Процент бездействующих.
	Всего.	Действующих.	
1. Кирпич	84	54	36 %
2. Посуда и гончарные изделия . .	19	19	—
3. Известь	2	2	—
В с е г о	105	75	29 %

Всего занято лиц обработкой минералов, как в указанных предприятиях, так и работающих без предприятий:

Предметы выработки.	До 1914 г.	1920 г.
1. Кирпич	639	516
2. Посуда и гончарные изделия	364	344
3. Точила, бруски, памятники	160	7
4. Известь	3	21
В с е г о	1166	888

В губернии изготовляется строительный кирпич на заводах с напольными печами исключительно и лишь один завод в г. Котласе имеет касельскую печь. В довоенное время изготовлялось кирпича до 4-х миллионов штук.

Обращают на себя внимание гончарные изделия Н. А. Кушеверского, отличающиеся замечательной прочностью, формой и глазуровкой разных цветов. Небольшой завод его находится верстах в 3-х от города В.-Устюга, вблизи деревни Копылово, В.-Устюгского района.

II. ОБРАБОТКА МЕТАЛЛОВ.

	Число заведений.		Процент бездейств.
	Всего.	Действ.	
1. Мелкое литье	1	1	—
2. Кузнечно-слесарные изделия . .	1202	1052	12%
3. Ведро, трубы, печи, посуда, тазы.	9	9	—
4. Экипажи	2	2	—
В с е г о	1214	1064	12%

Кроме вагранок при фабрично-заводских предприятиях и мастерских водного транспорта в губернии имеется одна в заведении кустарного типа—мастерской Ф. В. Кашечкина в г. В.-Устюге, по Семеновской ул., дом № 17, в которой имеется нефтяной двигатель в 3 лошадиных силы.

Среди кузнечно-слесарных заведений в губернии до 688 кузниц, в которых кустари производят самые несложные работы, как-то: подковывают лошадей, остряют носки плугов и сох. Есть заведения и специализировавшиеся на определенной работе; в 51 заведении преимущественно ремонтируют и частично изготовляют земледельческие орудия, в 19 заняты специально изготовлением топоров, долот и клещей в 3 подков и гвоздей.

Всего занято лиц обработкой металлов.

	До 1914 г.	1920 г.
1. Мелкое литье	3	3
2. Кузнечно-слесарные изделия	1173	1450
3. Ведро, трубы, печи, посуда, тазы	5	85
4. Медные изделия	46	15
5. Ювелирные изделия, часы, изделия из золота и серебра	8	22
В с е г о	1235	1575

Увеличение в 1920 году по сравнению с довоенным временем числа лиц, занятых кузнечно-слесарным делом, объясняется наплывом в губернию из городов слесарей, которых в 1920 году демографическо-профессиональной переписью зарегистрировано человек, примерно, на 300 больше, чем их было в довоенное время.

По данным Центрального Статистического Управления (Сборник статистических сведений по СССР за 5 лет, Москва 1924 г. стр. 213) на каждое лицо занятое обработкой металлов в довоенное время расходовалось сырьё в среднем на 200 руб. в год. Если принять стоимость тонны железа на месте потребления 240 руб., то в губернии в довоенное время расходовалось около 1000 тонн железа, из которого большая (около 75%) часть шинного.

В прежнее время в В.-Устюге были значительно развиты черные на серебре работы и финифтяные (эмалевые). Финифтянными работами занимались также и в Сольвычегодске. Черневая работа перешла, по всей вероятности, из Новгорода от Ганзейских купцов во второй половине XVI века. Во второй половине XVII века в В.-Устюге была

целая фабрика черневых и финифтяных изделий купца Афанасия Попова. В ней было 70 мастеров. После пожара на фабрике мастера разбрелись и в 1817 году их было в В.-Устюге 29 человек. Затем работа быстро падает и в 1852 году остается один мастер Кошков, а теперь Чирков. В.-Устюгская черневая работа отличается прочностью, чистотой, художественностью и известна даже за пределами Республики. Чернь состоит из выжого серебра (92 пробы), свинца, красной меди, серы и нашатыря, но способ приготовления ее сохраняется в секрете.

III. ОБРАБОТКА ДЕРЕВА.

Наибольшего внимания в губернии заслуживает промышленность по обработке дерева. В этой отрасли зарегистрированы переписью следующие предприятия:

Предметы выработки.	Число заведений.		Процент бездействующих.
	Всего.	Действующих.	
1. Уголь	1	1	—
2. Смола, деготь	620	449	28%
3. Канифоль и очищен. скипидар .	7	4	43%
4. Доски и тес	3	2	33%
5. Бондарные изделия	4	4	—
6. Корьемальное	1	1	—
В с е г о	636	461	27%

Все заведения по очистке скипидара и значительно большее число по выгонке смолы, находятся в В.-Тоемском районе. Здесь смолокурение ведется печным способом из смолья-подсочки. Сосну подсачивают в течение 5 лет и собирают серу. Один куб. метр подсоченной части за все время дает до 16,5 килограмма серы, из которой готовится канифоли 7 кг., серного скипидара 1,5 кг. и облепленной корки 8 кг. Из корки с прибавлением смолы делается пек. Остающаяся при варке пека обугленная стружка идет для выработки голландской сажи. После 5 лет подсочки подсоченная часть сосны вырубается и служит материалом для выгонки смолы. Из 1 куб. метра смолья подсочки выходит до 40 кг. смолы, 8 кг. зеленого и 3 кг. красного скипидара. Скипидар на особых скипидаро-очистительных заводах перегоняется. Из 10 кг. печного скипидара получается 7 кг. очищенного.

В других местах губернии—Опаринский район, Никольский, Нюксенский, Лальский, Красноборский, смола гонится в казанах из пневого и корневого осмола. Из 1 куб. метра осмола получается в зависимости от его качества и опытности смолокура от 30 до 50 кг. смолы и 10 кг. скипидара.

С заводов в бассейне реки С.-Двины смольные продукты вывозились через Архангельск за границу, а в южной части губернии по рекам Волжского бассейна сплавливались до Царицына и Астрахани.

Дегтекуренных заводов в губернии около 70. Деготь гонится в железных тазанах. Из тонны лучшего качества бересты (боровая перводер) получается кг. дегтя.

	1913 год.		1920 год.	
Выкурено смолы .	8170 тонн	на 29363 черв.	2366 тонн	на 9372 черв.
„ дегтя . .	1033	„ 8062	190	„ 1848
„ скипидара	590	„ 7652	235	„ 3008
„ канифоли.	205	„ 1875	33	„ 301
В с е г о .	9998	„ 46952	2824	„ 14529

Израсходовано на смолокурение сырья и подсобного материала на 6732 червонца 2435.

Израсходовано на дегтекурение береста 24500 кв. м. 4500 на 1260 черв. 232.

Смолодегтекурение за время войны упало больше чем в три раза. По данным Губсмолсоюза артелями объединенными им изготовлено продуктов:

	В 1921/22 году	на 15366 червонцев.
	„ 1922/23	„ „ 15756 „
	„ 1923/24	„ „ 25865 „
Предположено	„ 1924/25	„ „ 30000 „

Подъема производства и после 1920 года не замечается, так как количество продуктов, изготовленное в 1923/24 году все еще меньше 1920 года.

Для поднятия производства необходимо снабдить кустарей казенным железом, временно освободить их от платы за осмол и бересто и обеспечить сбыт.

Всего занято лиц по обработке дерева в губернии:

	до 1914 г.	1920 г.
1. Уголь, смола, деготь, предм. сухой перегонки дерева	2764	2025
2. Доски, тес, дранки	1044	369
3. Суда речные	109	—
4. Колеса, ободья, полозья, дуги, оглобли, оси	206	294
5. Лопаты, корыта, лодки	50	1
6. Сохи, бороны	1	—
7. Сундуки, ящики, гробы	—	11
8. Телеги, сани, дровни	341	6
9. Бондарные изделия	673	531
10. Столярные изделия	1255	681
11. Веялки и др. с/х. машины	34	—
12. Ложки дерев., посуда, колодки, токарные изделия	8	28
13. Игрушки и другие мелкие изделия из дерева	30	1
14. Корзины корешковые	341	109
15. Корье и мочало	323	28
16. Лапти, бураки, лукошки	380	104
Всего	7559	4188

Указанное число промышленников по выработке угля, смолы, дегтя и предметов сухой перегонки дерева, было занято только в промышленных заведениях. Обычно заготовка осмолы и бересты производится другими по найму лицами, которые в подсчет не вошли.

Тес в губернии население для своей надобности приготовляет дольной пилой вручную. Из кустарных лесопильных заводов, кроме лесопильных заводов фабрично-заводского типа и вспомогательных лесопильных установок при фабрично-заводских предприятиях в Красавино, Бобровниково, Копылово, Михайловское, указаны выше бывшие в 1920 году лесопильно-мукомольный завод в Опарино с паровой машиной и лесопилки на водяных двигателях при мельницах—Гундерин-

ской, Енангского района и на речке Городищине вблизи Нюксеницы. Кроме того, возник в 1924 году также на водяном двигателе лесопильный завод на речке Пурсанге при дер. Ляменьской, Нюксенского района.

В Красноборском районе и в дер. Родионовской, В.-Устюгского района изготавливаются корзины из драмки. В д. Волосово, того-же В.-Устюгского района изготавливаются выездные сани, украшенные довольно оригинальными рисунками, а в д. Фалево—колеса. Деревянная посуда (кадки, чаны, ручки, ведра) изготавливаются в пределах В.-Устюгского района, в деревнях расположенных по р. Сухоне.

В районе Метлинского сельского совета, Сольвычегодского района и в дер. Лопатниково, В.-Устюгского района, население занято изготовлением корзин из сосновых корней.

В В.-Уфтюге, Красноборского района, население изготавливает раскрашенные бураки часто с рисунками птиц.

Но крупным центром в губернии изделий из дерева является Шомокса, семь деревень: Большой Двор, Бернятино, Сондас, Погорелово, Ивановское Устбище, Большая Терентьевица, и Малая Терентьевица, заняты столярным делом. Означенные деревни находятся на расстоянии друг от друга всего 1—2 километра и от г. В.-Устюга 8—10 километров. Столярными изделиями снабжался главным образом г. В.-Устюг, но кроме того изделия Шемогодских кустарей отвозились по реке С.-Двине на пароходах в Архангельск для снабжения города и для отправки на Мурманское побережье и даже в Швецию и Норвегию.

Здесь в помощь кустарям была открыта в 1908 году низшая ремесленная школа, но которая затем в 1912 году была переведена в г. В.-Устюг и вскоре ликвидирована.

В 1920 году Шемогодскими кустарями изготовлено: 1) столов канцелярских и письменных 1032; 2) простеночных 449; 3) палубных 800; 4) учительских 39; 5) обеденных 80; 6) больничных 9; 7) чертежных 4; 8) конторок 69; 9) шкафов книжных 137; 10) шкафов посудных 23; 11) этажерок 33; 12) гардеробов 4; 13) буфетов 12; 14) комодов 36; 15) стульев 4440; 16) табуреток 612; 17) табуреток палубных 1000; 18) диванов 25; 19) диванов палубны 500; 20) ученических парт 170; 21) классных досок 30; 22) кроватей 8; всего 9612 шт.

Указанное количество изделий не максимальное, так как много кустарей в 1920 году было отвлечено на другие работы и в армию.

Там же на Шомоксе в деревне Куров-Наволок (Высокая—местное название) население занято изготовлением мелких предметов из дерева, как-то: бурачки, шкатулки, тарелки, портсигары крашенные резным берестом с разноцветною фольгой. Узор наносится простым остроконечным ножом. Некоторые так наметались в этом деле, что прямо от руки сочиняют узоры и никогда не собьются в рисунок.

В прежнее время значительно была развита работа сундуков и шкатулок обитых железом. Столярная часть этих изделий исполнялась на Шомоксе, а обивка железом, замки и петли в В.-Устюгских мастерских. Шкатулки околачивались жостью с особенным разделом рисунка называемым „Морозом“ по сходству с узором, образуемым морозом на оконных стеклах. Мороз наводится на жость посредством острой водки (смесь азотной и соляной кислоты) смешанной с солью и масляным лаком, с прибавкою зеленой или желтой краски. Сбыт—Ирбитская и Нижегородская ярмарки. Покупатели армяне и татары. В довоенное время в дер. Аполипсове, В.-Устюгского района, занимались изготовлением изделий из мочала (шлеи, подхомутники, узды, вожжи, веревки). Мочало привозилось из Вятской губернии. Сбыт изделий—Красноборск и В.-Устюг.

В Сольвычегодском районе до 1914 года 28 человек было занято обработкой изделий из соломы, но теперь этого промысла там нет.

IV. ОБРАБОТКА ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ.

	Число заведений		Процент бездейств.
	. Всего	Действ.	
Мельницы конные	9	8	11%
" ветренные	61	51	16%
" водяные	607	569	6%
" толчей	72	52	28%
Хлебопекарни	3	3	—
Маслобойни	93	51	45%
Колбасные	2	1	50%
Консервные	1	—	100%
Пищ. продуктов для живот.	3	1	67%
<hr/>			
Всего	851	736	14%

По обработке пищевых продуктов в единственной, за исключением мастерской Кашечкина, из всех групп кустарной промышленности применяются двигатели. В каждом маслобойном заводе и конной мукомольной мельнице обычно работает одна лошадь.

Водяные мельницы приводятся в движение почти исключительно наливными колесами, имеется всего лишь 5 турбин. Всего на водяных мельницах имеется 982 пары жерновых камней мукомольных и 445 обдергущек. Если принять по нормам установленным технической секцией 3-го Всероссийского съезда рабочих и служащих мукомольной промышленности и утвержденных на пленуме съезда 12 июня 1920 года, потребность двигателя в 7 лошадиных сил для приведения в движение 7-ми четвертового мукомольного постава и 4 лошадиных силы для 4-х четвертового обдирочного, обычно более распространенных в губернии, то на водяных мукомольных мельницах мощность всех двигателей определится в 8700 лошадиных сил. Это будет мощность в два с половиной раза большая, чем мощность паровых двигателей в фабрично-заводской промышленности губернии.

Всего занято лиц по обработке пищевых продуктов:

	до 1924 г.	1920 г.
Мельничным делом	1770	1629
Маслобойным	138	75
Хлебопечением	нет сведений	40
Колбасным	т.	11
Кондитерским	т.	5
Продукты для животных	т.	2
<hr/>		
Всего	1908	1762

V. ОБРАБОТКА КОЖ И ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.

	Число заведений		Процент бездеств.
	Всего	Действ.	
1. Кожа	26	18	31%
2. Посадка кожи	1	1	—
3. Овчины	48	11	77%
Всего	75	30	53%

Всего занято промышленников по обработке кож:

	до 1914 г.	1920 г.
1. Кожа	71	192
2. Посадка кожи	—	2
3. Кожаная обувь	967	1376
4. Овчины	136	122
5. Шорные изделия	28	96
Всего	1202	1788

Увеличение в 1920 году по сравнению с довоенным временем числа промышленников по выработке кожи, кожаной обуви и шорных изделий вызвано работой на армию.

По данным отдела кожевенной промышленности Северо-Двинского ГСНХ в 1920 году было изготовлено:

Кож крупных	15827 шт.
„ мелких	21279 шт.
Обуви армейской	17665 пар.
„ гражданской	4914 пар.
Упряжи одноконной	1893 компл.

Из указанного количества обуви 7540 пар изготовлено на В.-Устюгской механической фабрике кожаной обуви, а остальные приходятся на долю кустарей ремесленников.

В довоенное время в губернии было занято 27 человек выработкой гребней и гребенок из рога, но в 1920 году этого промысла не зарегистрировано.

VI. ОБРАБОТКА ВОЛОКНА.

По обработке волокна растительного и животного в губернии в 1920 году было всего 5 заведений кустарного типа:

1. Канатных	1
2. Вязаных изделий	3
3. Вышивка	1

Все заведения по обработке волокна в 1920 году действовали:

В г. В.-Устюге имеется (кроме государственного) канатный завод В.-Устюгской Канатно-веревочной артели, имеющий обычно 7 человек рабочих без двигателя. И кроме этого завода в дер. Сулинской, В.-Устюгского района, имеется канатно-веревочная артель.

Всего занято обработкой волокна в губернии:

До 1914 г. 1920 г.

Растительное волокно:

1. Канаты, веревки	—	13
2. Сети и др. рыболовные снасти	15	—
3. Чулки бумажные, салфетки, рубашки и коф- точки (вязанные льняные)	73	118
4. Пряжа-нитки	107	—
5. Ткани	32	—
6. Кружева, косынки	—	14
7. Строчка, вышивка	—	6

Животное волокно:

8. Валяная обувь, войлок, стельки	942	716
9. Щетки, сита волосяные	107	71
В с е г о	1276	938

Выработка валеной обуви распространена в губернии повсеместно. Грубая шерсть овец местной породы не пригодна для сукон, но хороша для валенок. В настоящее время в губернии ощущается недостаток ее. В В.-Устюге имеется значительное по количеству рабочих предприятие артели „Пимокат“, которая привозит шерсть извне губернии.

Сети изготовлялись в В.-Тоемском районе.

В Опаринском районе среди переселенцев на хуторах, преимущественно эстонцев, в последнее десятилетие начало появляться ткачество сукна, но этот промысел совершенно не обследован. Переселенцы разводят с этой целью и овец тонкошерстных.

Почти в каждом крестьянском хозяйстве имеется ткацкий станок, но ткани население почти совершенно не продает. Большой частью одежду из домашней ткани льняной и шерстяной (сукманна) носит население в обычное время и покупает лишь праздничную. В прежние времена в Красноборске и в местности „Белая Слуда“, того же района, изготовлялись кушаки из шерсти ягнят, замечательно тонкой работы. Кушак до полметра шириной проходил через кольцо на палец. Сбыт—Пермская, Ирбитская, Вятская и Нижегородская губернии. Производство до 2000 червонцев, по рублю кушак.

VII. ПРОЧИЕ ПРОИЗВОДСТВА.

	Число заведений.		Процент бездействующих.
	Всего.	Действующ.	
1. Красильное	8	4	50%
2. Мыловаренные	3	2	33%
3. Шапочные	1	1	—
4. Переплетные	2	2	—
5. Живописные	1	1	—
6. Иконостасные	1	—	100%
7. Парикмахерские	5	5	—
8. Фотографии	2	2	—
9. Мalaria-кровельные	1	1	—
В с е г о	24	18	25%

	До 1914 г.	1920 г.
Всего занято лиц:		
1. Гармоники	56	—
2. Портновские	1620	2534
3. Золотошвейные изделия, мыло и прочие промыслы	79	104
В с е г о	1755	2638

В 1920 году для нужд армии в губернии было спито до 1 миллиона штук белья, пошивкой которого занято свыше 1000 человек, чем и объясняется увеличение числа лиц портняжного дела в 1920 году в сравнении с довоенным временем.

С В О Д К А.

	Число заведений.		Процент. бездействующих.
	Всего.	Действующих.	
Обработка минералов	105	75	29%
„ металлов	1214	1064	12%
„ дерева	636	461	27%
„ продуктов питания	851	736	14%
„ кож и др. материалов животн. происхождения	75	30	53%
Обработка волокна	5	5	—
„ прочие производства	24	18	25%
В с е г о	2910	2389	18%

ВСЕГО ПРОМЫШЛЕННИКОВ:

	До 1914 г.	1920 г.
Обработка минералов	1166	888
„ металлов	1235	1575
„ дерева	7559	4188
„ продуктов питания	1908	1762
„ кожи и др. материалов животн. происхождения	1202	1788
Обработка волокна	1276	938
Прочие производства	1755	2638
В с е г о	16101	13777

В довоенное время приходилось на 10 тысяч населения промышленников:

	Г у б е р н и и:				40 губерний Евр. части Республики.
	С.-Двин.	Арханг.	Волог.	Вятская.	
Обработка минералов	19,6	27,2	21,3	34,8	10,0
„ металлов	20,8	17,0	24,9	53,3	19,8
„ дерева	127,5	136,0	193,4	284,6	70,5

Г у б е р н и и:

С.-Двин. Арханг. Волог. Вятская. 40 губерний
Евр. части
Республики.

Обработка кож и др. ма- тер. животн. проис- хождения	20,3	21,4	61,1	71,9	32,1
Обработка волокна	21,5	2,4	367,2	232,4	89,1
Прочие производства	29,6	0,3	44,7	97,1	22,6
В с е г о	239,3	204,3	712	774	244

Число промышленников на 10 тысяч населения в довоенное время в Архангельской, Вологодской, Вятской и 40 губерниях Европейской части Республики взято из книги профессора А. А. Рыбникова „Мелкая промышленность России“ Изд-во Н. К. З. „Новая деревня“ Москва 1923 г. В губернии на 10 тысяч населения приходится 32 человека занятых обработкой пищевых продуктов. Проф. Рыбников не учитывает промышленность по обработке пищевых веществ, а потому эта отрасль промышленности и не сравнивается с данными по другим губерниям.

Самым трудным делом является подсчет валовой стоимости продукции мелкой промышленности. Нет даже достаточных данных для определения заработка промышленников губернии, поэтому приходится применять косвенные данные для этой цели, мне кажется, более пригодные, чем самостоятельное исчисление. В книге „Сборник статистических сведений по СССР за пять лет (1918—1923)“ работы Центрального Статистического Управления „Москва 1924 г.“ имеются данные о среднем по Республике заработке промышленников. Так как из приведенных выше данных видно, что число всех промышленников на 10 тысяч населения по губернии и по Республике почти равно и, как увидим ниже, средний заработок промышленников всех отраслей промышленности, в которых встречаются наибольшие отклонения числа промышленников в губернии от среднего по Республике, близок к среднему заработку всех промышленников, то такое применение косвенных данных следует признать допустимым.

В этом случае заработок промышленников в губернии в довоенное время выразится в следующих цифрах (в червонцах).

	На 1 лицо. Общий.	
Обработка минералов	5,2	6063
„ металлов	12,1	14943
„ дерева	5,9	44598
„ продуктов питания	5,5	10494
„ кож и др. материалов животн. про- исхождения	15,3	18391
Обработка волокна	5,5	7018
Прочие производства	10,3	18077

И т о г о 7,4 119584

Заработок кустаря в 74 рубля составляет 63 проц. заработка рабочего фабрично-заводской промышленности губернии в довоенное время. Общий заработок кустарей втрое больше заработной платы рабочих и превышает народный доход от фабрично-заводской промышленности.

П Р О М Ы С Л Ы.

По данным приведенным в „Обзоре Вологодской губернии за 1912—13 год“, в трех уездах, вошедших в состав С.-Двинской губернии было занято промыслами:

а) Местными:

	Число лиц.	Заработок их (в червонцах).
Льноводство	34170	38748
Рубка и сплав леса	13203	24057
Охота	6800	8400
Рыболовство	785	915
Извозный промысел	2773	3523
Строительное дело	2367	6245
Мелочная торговля	1489	12749

В с е г о 59587 94637

б) Отхожими:

22577 64750

Примечание: Данные об охоте взяты по исчислению С. Нат в его статье „Задачи охотничье-промыслового дела в Северо-Двинской губернии“, напечатанной в журнале „Богатства Севера за 1919 год.

Сведений о числе лиц, занятых промыслами за годы после 1913-го, нет. Данные переписи 1920 года не дают ясной картины по этому вопросу, вполне возможно потому, что промыслы населением скрывались.

Площадь посевов льна за годы войны сократилась вдвое, а потому можно считать, что и промысел сократился в том же размере.

Промысел по рубке и сплаву леса в общем не сокращался за время войны; лишь только видоизменился. До войны преимущественно заготавливался на экспорт лес, а во время войны дрова.

По данным губернского лесного отдела для вывоза из губернии отпущено.

	1912—12 г.	1919—20 г.
Пиловочника шт.	1186812	528560
кб. м.	1046443	493141
Пробсов, балансов кб. м.	21358	—
Шпал шт.	199000	14685
Дров кб. м.	74263	558187

Всего на сумму в червонцах 191252 59110

Для заготовки и сплава этого количества лесных материалов потребно до 20000 человек при выработке в среднем плота в 100 бревен или дров 100 кб. метров на двух рабочих. Эти выводы подтверждаются тем обстоятельством, что в числе отхожих промыслов значительная доля лиц рубщики и сплавщики леса. Таким образом и общий заработок населения от лесных работ будет около 40 тысяч червонцев.

Число лиц занятых строительным делом значительно не сокращалось в военное время.

Недостаток ружейных припасов, введение гужевой повинности и отмена частной торговли в сильной степени влияли на охоту, извозный промысел и мелочную торговлю.

Демографическо-профессиональной переписью 1920 г. зарегистрировано в губернии 11145 человек отсутствующего на заработках населения, вдвое меньше чем было в довоенное время на отхожих промыслах. Данных о местах наибольшего отхода населения и направлении этого отхода перепись не дает.

Таким образом в довоенное время было занято в мелкой промышленности и промыслами 98262 человека, что составляет 17% всего (592600) населения с заработком 278935 червонцев.

20 апреля 1925 года В. Бучнев.

Прилагаем сведения о промысловом самостоятельном населении.

САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ

(Сельские местности по переписи 1920 г. и города 1923 г.)

	Сельск. местн.	Города.		Сельск. местн.	Города
Канатчик	1	—	Скорняк	1	—
Кирпичник	20	9	Слесарь	71	188
Кожевенник	5	6	Смолокур	5	1
Колбасник	—	2	Столяр	71	56
Колесник	5	1	Тележник	2	—
Колодезник	2	1	Ткач	83	57
Колодник (обр. кожи)	1	—		(Красавино 55)	
Кондитер	—	5	Токарь по дереву	4	5
Коновал	4	—	" " металлу	9	33
Конопатчик	15	4	Торговец	6	18
Красильщик (ткани)	2	2	" (лошадьми)	2	—
Кружевница	3	2	Фотограф	1	7
Крюкопосадочник	—	4	Хлебопек	7	12
Кузнец	72	66	Часовщик	6	7
Кустарь (берест.)	6	—	Чулочник	48	43
Лапотник	28	—	Шапочник	2	63
Лесозаготовка	2	1	Шерстобит	6	8
Лесопромышлен.	2	1	Шорник	17	14
Лесоруб	18	2	Штукатур	—	7
Лудильщик	3	1	Ювелир	—	1
Лукошник	1	—	Ямщик	15	8
Маляр	16	32			

	Сельск. местн.	Города		Сельск. местн.	Города
Белошвейка	12	28	Мастер (часовой)	2	6
Бондарь	7	2	" (экипажный)	—	2
Вышивальщица	4	7	Медник	3	8
Вязальщ. (стелек)	27	2	Мельник	257	11
" (сетей)	7	1	Меняло	8	—
Гармонщик	6	7	Мыловар	—	2
Гончар	6	5	Обойщик	1	4
Горшечник	2	—	Овчинник	6	—
Гребенщик (рогов)	2	—	Охотник	9	3
Дегтекур	8	—	Парикмахер	1	19
Дроворуб	6	—	Папальщик	3	—
Жестяник	2	6	Пекарь	9	40
Живописец	1	14	Пестерник	1	—
Заготовщик (кожи)	—	3	Печник	23	35
" (сорт. леса)	6	3	Пильщик дер. (ручн.)	21	3
Закройщик (кожи)	—	7	Плетельщик (корз.)	1	—
" (одежды)	—	8	Позолот. (дерева)	—	2
Затяжчиков (обуви)	—	2	" (металла)	—	1
Звероловов	1	—	Портные	464	807
Золотошвейка	1	6	Посудник	2	9
Золот. и серебр. (мастер.)	1	3	Раскройщик (кож)	1	—
Извозчик (ломов)	8	4	Рыбак	—	2
Иконописец	2	—	Рыболовов	23	3
Каблучник	—	1	Сапожник	219	202
Кадочник	1	—	Свечник	—	4
Каменьщик	7	25			
Мастер (иконост.)	1	—			
				1745	1964

В. Бучнев.

К геологической истории района г. В.-Устюга.

В конце, если я не ошибаюсь, III тома своего классического труда, „Лик земли“ (Das ~~N~~ütlitz der Erde) знаменитый геолог Зюсс рисует нам следующую поэтическую картину: подходит неутомимый странник (Рама) к берегу вечно бушующего моря (времени), вперяя вдаль пылкий взор... но беспредельно бушует вечный океан и нет в нем ни метки, ни параллакса.

Однако за самое последнее время такие веши в туманной дали веков—миллионлетий все же приблизительно начинают выделяться.

Как известно жизнь нашей земли, как и всякой планеты, проходит через следующие стадии: 1) стадия солнца; 2) стадия расплавленной планеты (Сатурн); 3) стадия отвердевающей планеты (Юпитер); 4) водная стадия осадочных пород (это настоящая стадия нашей земли); 5) безводная стадия (Марс); 6) безатмосферная стадия (Луна), а всему этому циклу предшествует стадия туманности.—Оценить во времени эту первоначальную стадию наука еще не может, но, вероятно, перед нами десятки тысяч миллионлетий. Что же касается стадии белой, желтой и красной звезды (солнца), то вероятнейшая современная оценка дает промежутки времени в 800; 650; 530 миллионлетий, а на образование коры, так называемый ангидритный период и период азойского океана полагают по 500; 400; 300 миллионлетий (круглым приблизи-

тельно счетом).—Все это так называемая предгеология. Но вот мы подошли к области собственно геологической—к истории водной стадии земли и снова мелькают перед нашим взором миллионлетия, как это показывает следующая таблица и наглядно передают прилагаемые чертежи I и II.

Таблица геологических эр и периодов I) Архейская эра (660 миллионов лет): 1) Древний архейский период (480 мил. лет), 2) Новый архейский период (180 миллионов лет). II) Палеозойская эра (220 миллионов лет): 3) Кембрийский период (68 миллионов лет), 4) Силурийский период (61 миллионов лет), 5) Девонский период (45 миллионов лет), 6) Каменноугольный период (29 миллионов лет), 7) Пермский период (17,5 миллионов лет). III) Мезозойская эра: (22,5 мил. лет), 8) Триасовый период (10 мил. лет), 9) Юрский период (7,5 мил. лет), 10) Меловой период (5 мил. лет). IV) Кенозойская эра (3 мил. лет), 11) Третичный период (2,5 мил. лет), 12) Четвертичный период (0,5 мил. лет).

На последний четвертичный период приходится лишь $\frac{1}{2}$ миллионлетия и в нем уже археология, в последней, послеледниковой части его (в аллювии: 10—15.000 лет) выделяет следы человеческой культуры, так называемые каменные, медные, железные и так далее века. Так I каменный век обнимает в Европе время с 10—5 тысячелетие до нашей эры, II каменный век 5—2 тысячелетие до нашей эры, медный 2—1 тысячелетие, железный от 1000 г. до нашей эры до настоящего времени (+2000 г. нашей эры) когда предвидится век аллюминия.

Но вот наконец перед нами мимолетное явление: на берегу р. Сухоны, близ устья Юга, наш город В.-Устюг, не просуществовавший и полную тысячу лет, в районе географические координаты которого, как известно +60°46', сев. шир. 3 час. 5 мин. вост. дол. от Гринвича, на высоте ок. 60 метров над уровнем моря.

Что нам в сущности известно о геологическом прошлом отмеченной местности? По каким данным нам например определить, когда над данной местностью гуляли волны древнего моря и когда она была сушей? Да и вообще говоря, что конкретно понимать под „данной местностью“, насколько устойчивы во времени и в пространстве те пласты на которых покоится наш Устюг Великий?

По новейшей теории профессора Вегенера и в этой области нет ничего неизменного, пласты земли (подобно глыбам ледохода) постоянно текут, перемещаясь круглым счетом в среднем в год по высоте на 1 сантиметр, по широте на 1 метр, а по длине на 10 метров.

Где постоянные вехи в этом потоке „твердой“ земли? Помножьте эти числа на время, смотря на таблицу периодов и миллионлетий даже время ближайших геологических периодов достаточно, чтобы переносить данную глыбу к экватору и снова к полюсу, поднять до высоты Гималай и снова отпустить в пучину океана.

Никакая смена климата, растительного и животного мира нас поэтому удивить не может. Скорее удивительно то, что все же сохранились метки, по которым геолог пишет историю данной плавающей глыбы земной коры, в этом случае той, которая в настоящий миг под +60°46' с. ш. 3 ч. 5 м. вост. Гринвичской долготы, на высоте 60 метров.

Геологическая карта проф. С. Куторги, изданная в середине XIX века уже относит наш район к области пермской системы, южнее по р. Югу отмечая острова Юрской системы, определяя этим когда наш район поднимаясь и опускаясь по соседству с районом вековой суши Скандинавии в последний раз подвергался крупным геологическим пере-

воротам. Кроме того на фоне этой системы (пермской) ясно выступают следы новейшего момента—ледникового периода (четвертичного) диллювия.

Судя по геологическим картам Карпинского в его сочинении: „Очерки Геологического прошлого России,“ наш район находится в очень интересной области, там где не раз, при смене меридиональных и широтных, чередующихся перемещений суши и моря, прошла береговая полоса: так было напр. в кембрийском, силурийском, девонском и пермском периодах.

В Кембро—силуре район В.-Устюга был сушей (береговой), в девоне и каменноугольном периоде неглубоким морем, во время пермского и юрского периодов береговой полосой; тоже относится, повидимому и к меловому(?) периоду; в третичном и четвертичном он суша. Итак в течении приблизительно 90 миллионов лет, над ним ходили волны сравнительно неглубокого моря, до этого он около 120 миллионов лет суша, а затем опять 15 миллионов лет под поверхностью моря.

Наиболее изучена картина пермского периода, благодаря знаменитым работам профессора Амалицкого и его последователей, когда наш район, судя по находкам парейкозавров и иностранцевых, находился в области целой сети пермских рек, по руслу которых и найдены в конгрециях названные, ныне всемирно известные Сев. Двинцы; кроме того район, отличался своеобразной глоссоптериевой флорой.—Кстати о сети пермских рек; их насчитывают теперь до десятка. Получается, по моему мнению, мало вероятная картина. Целая сеть самостоятельных(?) рек отлагает каждый раз в той же местности свои осадки, притом приблизительно одинакового типа. Поневоле напрашивается мысль, что мы имеем дело с дельтой одной огромной реки, что тем более вероятно, что наш район является, повидимому, в течении продолжительного периода береговой полосой более южного моря (пермь и юра).

Тот же характер береговой полосы рисуют нам и новейшие (изд. 1915 г.) карты геологического комитета (за четвертичный период).

Особенно интересна набережная г. В.Устюга: это целый геологический музей, но занесенный сюда водным путем уже рукою человека. С этим последним обстоятельством вообще любителю, не производящему специальных раскопок, нужно серьезно считаться. Перед нами сборный материал со всего района Сев. Двины, относящийся к различным периодам (главным образом палеозоя).

Близь города выделяется, вверх по берегу Сухоны, цепь холмов, так называемый Гребешок! Это геологически очень интересная местность. Автор этих строк полагает, что это береговое дюнное образование. Какой местами чистый дюнный морской (?) песок, а дальше, не выветривавшиеся, повидимому слои глаукосита, прорезанные новейшими оврагами.

Вот приблизительно и все, что мне в настоящее время известно по геологии района нашего г. В.-Устюга. В заключении привожу перечень литературы по геологии С.-Двинской губернии и соседних областей, по моей просьбе, любезно сообщенных нам геологическим комитетом в 1924 г.

Для южного Тимана и Ухтинского района: Чернышев Ф. Орфографический очерк Тимана. Труды Геологического Комитета, том XII, № 1 с геолог. картой. Замятин А. Ухтинский нефтеносный район. Извест. Геологич. Комитета 1911 г. с картой. Яковлев Н. Геологические исследования в южном Тимане в 1894 и 1909 г. Известия Геолог. Комитета 1910 г. с 1 картой.

Для бассейна р. Сысолы и Лузы: *Хименков В.* Геологическое строение и фосфориты бассейнов р. Сысолы и Лузы Устьсысольского уез. Вологодской губ. Отчет по геологическому исслед. фосфоритовых залежей, том VII, 1915 г. с геолог. картой.

Для Урала: *Федоров Е.* Геологические исследования в северном Урале в 1884—1886 г. г. *Idem* в 1887—1889 г.г.

Для Сухоны и С.-Двины—многочисленные заметки проф. Амалицкого в протоколах Общества Естест. при Ленинградском Университете.

Для Никольского уезда—*Поленов В.* Геологические наблюдения по р. Югу. Труды Ленинград. Общ. Естеств. 1888 г. том XIX.

Хименков В. Геологические исследования в бассейнах р.р. Юга, Маломы и Вохмы в Никольском уез. Агрономическая служба Северных ж. д. Отчет и пр. вып. 1, 1921 г.

Для р.р. Сысолы, Лузы и Локчима, кроме указанных выше: *Хименков В.* Очерк геологического строения фосфоритовых залежей бассейна рек Сысолы и Б. Визинги в Устьсысольском уез. Отчет по геологич. исслед. фосфор. залежей том VI, 1914 г.

Хименков В. Геологические исследования в 1914 г. в бассейнах рек Сысолы и Лузы Устьсысольского уезда. Изв. Вологодского Общ. Изучен. Сев. края, 1916 г.

Хименков В. О коренных образованиях и месторождениях фосфоритов и серного колчедана в районе р.р. Сысолы, Б. Визинги. Там же вып. I, 1914 год.

Курбатов и Исколь. Труды экспедиции по исследованию земель Вологодской губ., том I и II.

По Вычегде—*Барбот де Марни.* Геогностическое путешествие в северных губ. Европейской России. Записки Минерал. Общества, 2 сер., часть III 1868 г.

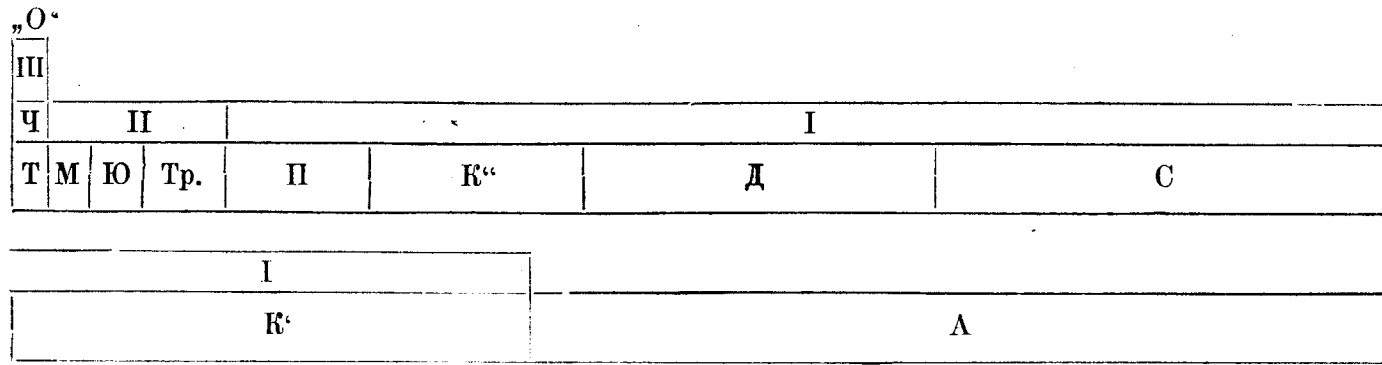
По Тиману (и Мезени) кроме указанных выше работ *Чернышев Ф.* Тиманские работы, произведенные в 1889 г. Изв. Геолог. Комитета 1890 года.

Чернышев В. Тиманские работы, произведенные в 1890 г. Там же 1891 г.

Для Урала, кроме указанных работ: *Keuserling,* Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora land.

Труды Северной Научно-Промысловой экспедиции в 1921 г., вып. 14, стр. 18—24.

А. К. Арндт.

Чертеж 1.

1 2

Таблица геологических периодов. Маштаб: 1 миллиметр=1 миллионлетие.

Примечание. Нужно I поставить на 2, чтобы получился порядок букв А, К', С, Д и т. д.
 А=Археум. К'=Кембри. С=Силур. Д=Девон. К''=Карбон (каменноугольн.). П=Пермь Тр.=Триас. Ю=Юра.
 М=Мел. Т=Третичный. Ч=Четвертичный. О=Настоящий момент. I (К', С, Д. К'', П)≠Палеозой. II (Тр., Ю, М)≠Мезозой. III (Т, Ч) Кенозой.

52

Чертеж II.

История человеческой культуры.

В масштабе первого чертежа чертеж второй, т. е. уменьшенный в 10,000 раз, представляется всего шириною тончайшей, на глаз непосредственно уже невидимой, паутины, расположенной надлежащим образом в точке „О“. I—первый каменный век. II—второй каменный век. III—медный и бронзовый век. IV железный век. V—будущий век алюминия.

Бюджет времени крестьянина Северо-Двинской губернии.

Бюджетные обследования крестьянских хозяйств ежегодно производимые Губстатбюро, дают материал для изучения крестьянских хозяйств с разных сторон, и в частности, для освещения вопроса об использовании рабочего времени. Этот вопрос является одним из острых вопросов современной общественной и хозяйственной жизни, при чем при обсуждении его обычно идет речь о положении дела среди рабочих и служащих наших предприятий и учреждений. Между тем не мало-важно и не безинтересно положение дела в этом отношении и в той массе населения нашей страны и нашей губернии, какую составляет крестьянство. Настоящая статья и имеет своею задачей показать бюджет рабочего времени крестьянина С.-Двинской губернии на основании разработки бюджетных обследований крестьянских хозяйств, произведенных в 1923—1925 годах.

Бюджетному обследованию в 1923 году подвергнуто 75 хозяйств, в 1924 г. летом—79 хозяйств, в том числе с учетом работ—24, в 1925 г.—80 хозяйств, в том числе с учетом работ—20. Не вдаваясь в подробное выяснение степени типичности обследованных хозяйств, ограничимся лишь сопоставлением основных элементов обследованных хозяйств с соответствующими показателями, характеризующими крестьянское хозяйство губернии по материалам весенних опросов за те же годы.

Приходится на одно хозяйство в среднем:

	Душ населения.	Посева.	Лошадей рабочих.	Коров.
По 75 хозяйствам бюдж. обл.				
1923 г.	5,85	2,14	1,03	1,48
По весен. опросу 1923 г.	5,16	1,77	0,82	1,24
По 24 хозяйствам бюджетн. обл. 1924 г.	6,12	2,46	1,04	1,88
По весеннему опросу 1924 г.	5,11	1,89	0,85	1,52
По 20 хозяйствам бюджетн. обл. 1925 г.	5,70	2,57	0,95	1,85
По весеннему опросу 1925 г.	5,09	1,92	0,84	1,66

Сравнение, приведенных данных бюджетных обследований и весенних опросов, показывает, что бюджетными обследованиями охвачены хозяйства несколько повышенного типа—с большей посевной площадью и семьей и более обеспеченные скотом.—В целях уменьшения значения этого обстоятельства, при распространении бюджетных данных на все хозяйства, эти данные будут приводиться в расчете на одно хозяйство по отдельным посевным группам (по обследованию 1923 г.) и со средней взвешенной, при выводе которой учтены средний размер семьи (для 1923 г.) и степень распространенности посевных групп

хозяйств с посевом ниже и выше 2,0 дес. в общей массе хозяйств, установленные по материалам весеннего опроса 1924 г. За основу приняты данные обследования 1923 года, охватившего сравнительно более значительное число хозяйств, чем обследования 1924 и 1925 г.г.

Запасы рабочего времени в крестьянском хозяйстве зависят от состава и размера хозяйствующей семьи, степени применения наемного труда, и числа рабочих дней в году.

Количество и состав населения обследованных хозяйств видны из следующей таблицы № 1.

Группы по посеву.	Число хозяйств.	В них населения.			В том числе.											В сред. на 1 хоз. душ работ.		
		М.	Ж.	О. п.	До 10 л.	10—13 л.	14—17 л.	18—60 л.	61—65 л.	свыше 65 л.	До 10 л.	10—13 л.	14—15 л.	16—55 л.	56—60 л.	свыше 60 л.	Населен.	В пер. на 1 вз. муж.
С посевом до 1,0 дес. . .	14	24	23	47	4	3	1	13	—	3	4	—	1	14	1	3	3,46	2,16
1,1—2,0 д. . .	21	55	66	111	11	7	4	30	1	2	15	9	4	31	2	5	5,8	3,31
2,1—3,0 д. . .	26	77	77	154	15	11	12	35	1	3	18	8	3	37	2	9	5,9	3,38
3,1—4,0 д. . .	8	33	35	68	9	5	1	15	1	2	9	4	1	18	—	3	8,5	4,45
4,1 и выше .	6	25	26	51	9	2	5	7	—	2	5	5	1	12	—	3	8,5	4,40
Всего по 75 хозяйствам .	75	214	227	441	48	28	23	100	3	12	51	26	10	112	5	23	5,85	3,33
По 24 хозяйств. обследован. 1924 г. . . .	24	74	73	147	13	11	9	35	1	5	18	5	1	36	1	12	6,12	3,60
По 20 хозяйств. обл. 1925 г. .	20	55	59	14	9	6	4	35	—	1	18	6	2	26	3	4	5,70	3,44

Рабочая сила членов семьи различного пола и возраста неодинакова. Для перевода ее на силу взрослого работника мужчины приняты нормы Ц. С. У. для обследований за все три года одинаковые: мужчины в возрасте 18—60 л. принимались за 1,0; мужчины в возрасте 14—17 лет, 61—65 лет и женщины в возрасте 16—55 лет—за 0,8, трудоспособные старики старше 65 лет, женщины 14—15 лет и 56—60 лет и работавшие старухи свыше 60 лет—за 0,6, дети обоюдо пола 10—13 лет—за 0,4; дет и моложе 10 лет работниками не считались. Сравнивая состав семьи в обследованных в разные годы хозяйствах, можем отметить, что наиболее обеспеченными рабочей силой оказались хозяйства, обследованные в 1924 г., наименее хозяйства, обследованные в 1923 г. В последних несколько более других и обремененность работника едоками (1,77 против 1,7 и 1,65).

Наемный труд в обследованных хозяйствах применялся в общем незначительно. Общее абсолютное число дней наемного труда (в переводе на взрослого работника) в хозяйствах, обследованных в 1923 году сроковых рабочих—72,0, поденных и сдельных—224,7; в хозяйствах, обследованных в 1924 г.—только поденных и сдельных рабочих—129,4 дней труда, в хозяйствах, обследованных в 1925 г.—срочковых рабо-

чих—101,2 дня, поденных и сдельных—340,9 дней, при чем в 1925 г. в числе последних учтены и рабочие дни соседей в таких работах, как возка навоза и молотьба, за которые хозяева тем же и в той же мере отработывают.

Число рабочих дней в году условно принято равным 300, какое может быть определено и на основании показаний о числе праздничных дней в году, имеющих от 58 домохозяев, хозяйства которых были по полной и сокращенной программе обследованы в 1924 году эти 58 домохозяев насчитали у себя все—3795 праздничных дней, т. е. в среднем—65,4 дня каждый.

Отсюда, число рабочих дней и определяется с округлением в 300 и это число для удобства сравнения принимается при исчислениях годового запаса для обследований всех трех лет.

Выяснив рабочие силы семьи, размер применения наемного труда и число рабочих дней в году, получаем следующий годовой запас рабочего времени в расчете на одно хозяйство по нашим бюджетным обследованиям:

Таблица № 2.

Группа хоз. по посеву.	Годовой запас рабоч. времени своей семьи.	Запас раб. врем. сроков раб. чих.	Число раб. дней поденных и сдельных раб.	Всего годов. запаса раб. времени.	% рабоч. врем. пост. и сдельн. раб. ко всему запасу.
0,1—1,0 д.	647,1	—	4,2	651,3	0,6
1,1—2,0 д.	994,3	—	3,7	998,0	0,4
2,1—3,0 д.	1015,1	2,2	1,7	1019,6	0,4
3,1—4,0 д.	1335,0	—	—	1335,0	—
4,1 и выше	1320,0	—	7,5	1327,5	0,4
В среднем по бюджет. 1923 г.	999,0	1,0	3,0	1003,0	0,4
По ним же средняя взвешен.	882,0	1,0	3,4	886,4	0,5
По бюджет. 1924 г.	1080,0	—	5,4	1085,4	0,5
По ним же средняя взвешен.	869,0	—	6,0	875,0	0,7
По бюдж. 1925 г.	987,0	5,0	17,0	1009,0	2,2
По ним же средняя взвешенная	850,9	10,6	13,1	874,6	2,7

Средняя величина годового запаса рабочего времени, устанавливаемая бюджетами 1923—1925 г. по нашей С.-Двинской губернии, близка к той средней, какая выведена по бюджетам 14 губерний за 1922—1923 г. у проф. Литошенко—1056,8 дней *). Наша средняя взвешенная близка к показаниям бюджетов за тот же 1923 год по соседним губерниям—в Вологодской—752,0; Архангельской—868,0; Ярославской—830; Новгородской—867,0 и т. д. Повышение % рабочего времени сроков и временных рабочих в 1925 году помимо указанной выше причины объясняется и тем, что вообще в обследованных хозяйствах в 1925 г. наемный труд за плату и деньгами и натурой применялся в большой мере.

Распределение годового запаса рабочего времени показано в таблице № 2. При рассмотрении данных этой таблицы можно заметить

*) Н. Литошенко Крестьянский бюджет в 1922—1923 г. Изд. ЦСУ Москва.

А. Таблица № 3. Баланс рабочего времени с.-двинского крестьянина.

Группы хозяйств по посеву.	Год обследования.	Годовой запас рабочего времени.	Затраты на сельское хозяйство.					Переработан. продуктов сельского х-ва.	Лесное хозяйство	Обществ. подводы.	Прочие отлучки по хоз. делам.	Ремонт и возвед. построек и инвентаря.	Внеземледельческие занятия.	Работа в сельхоз.	Домашнее хозяйство.	Итого расхода.	Неиспользованное время.
			Полеводство	Сенокос.	Огородничество.	Скотоводство.	Итого в сельском х-ве.										
0,1—1,0 д.	1923	651,3	46,2	26,4	12,4	47,2	132,2	16,7	20,3	0,4	16,2	11,7	103,3	32,1	89,7	422,6	228,7
1,1—2,0 д.	1923	998,0	117,8	43,5	15,0	95,2	271,5	4,5	50,9	2,4	32,6	4,9	144,2	26,0	152,7	725,7	272,3
2,1—3,0 д.	1923	1019,6	149,3	59,9	17,0	102,4	328,6	31,8	59,6	5,2	23,4	2,6	48,8	15,8	152,3	668,1	351,5
3,1—4,0 д.	1923	1335,0	188,1	75,1	22,7	140,2	426,1	50,9	60,3	7,3	23,8	3,9	28,4	5,2	148,0	803,8	531,2
4,1 и выше	1923	1327,5	193,0	87,3	25,7	145,0	451,0	116,1	34,4	4,0	24,1	25,8	58,3	19,5	249,2	1022,4	305,1
Средняя простая . . .	1923	1003,0	129,0	52,9	16,9	97,5	296,3	40,2	51,2	3,6	22,1	9,6	84,0	20,9	153,3	681,1	321,9
	1924	1085,4	189,7	70,8	16,9	131,1	408,5	51,5	57,7	0,2	26,9	—	61,1	41,3	147,9	795,7	289,7
	1925	1009,0	163,5	67,6	24,6	133,1	388,8	50,1	54,1	—	41,0	16,1	83,6	28,1	126,2	788,0	221,0
Средняя взвешенная . .	1923	886,4	114,0	46,7	14,9	86,2	261,8	35,5	45,2	3,2	19,0	9,0	74,3	18,5	135,5	602,0	284,4
	1924	875,0	141,1	49,0	11,7	95,9	296,7	36,8	48,2	—	29,1	—	66,5	—	143,1	620,4	254,6
	1925	874,6	122,1	47,7	15,6	127,3	312,7	34,5	47,5	—	32,1	9,8	74,1	28,2	128,7	667,6	207,0

следующее: 1) с увеличением землеобеспеченности возрастают, конечно, и затраты рабочего времени на сельское хозяйство и в частности, на полеводство. Это заметно не только по хозяйствам различных посевных групп, но и по хозяйствам, обследованным в различные годы—в 1922—1923 г. на сельское хозяйство затрачивалось в среднем—261,8 дней (или 29,5% годового запаса), в 1923-1924 г. уже 296,7 дней, в 1924-1925 г.—312,7 дней (или 35,7% годового запаса). На сельское хозяйство в крестьянских хозяйствах вообще затрачивается таким образом $\frac{1}{8}$ (в среднем за 3 года—32,8%) годового запаса, в том числе $\frac{1}{7}$ (14,2%) на полеводство, около $\frac{1}{9}$ (11,8%) на скотоводство, около $\frac{1}{20}$ — на сенокос (5,2%) и 1,6% на огород. Охватывая хозяйства повышенного типа, бюджетные обследования все же отражают рост обеспеченности хозяйств посевами и скотом, устанавливаемый по материалам весенних опросов, а подъем сельского хозяйства естественно связан с увеличением трудовых затрат на него.

2. Затраты рабочего времени вне своего хозяйства—на промыслы и работу в чужих хозяйствах составляют в среднем $\frac{1}{10}$ годового запаса рабочего времени, при чем $\frac{2}{3}$ этой доли идет собственно на промыслы, при чем размер затрат на них за разные годы изменялся в абсолютных цифрах менее, чем размер затрат на работу в чужом сельском хозяйстве. Увеличение последних по бюджетам 1925 года объясняется тем, что в последних они учтены более полно, включая и работы в отработку в случаях взаимного обмена рабочей силой, о которых говорилось выше.

3. Затраты рабочего времени на лесное хозяйство устойчивы, составляя 5% годового запаса и занимая около 50 дней в среднем на хозяйство. Переработка продуктов сельского хозяйства, включая прядение и ткачество, занимает в среднем около 35 дней на хозяйство или около 4% годового запаса. Затраты рабочего времени на отлучки по хозяйственным делам занимают около 30 дней на хозяйство, при чем сюда включены поездки на мельницу, на базар, в учреждения, в волости и в городе и затрата времени на участие в разных собраниях. Затраты на ремонтно-строительные работы незначительны,—не достигают даже 2% годового запаса. Возможный недоучет их общего характера распределения затрат времени не меняет. Затраты времени на домашнее хозяйство захватывают от 90 до 250 дней на хозяйство, в среднем —около 140 дней или 15% годового запаса.

4. Все учтенные фактические затраты рабочего времени определяются в пределах от 422,6—1022,4 дней в среднем в хозяйствах различных групп по бюджетам 1923 года, а в среднем по обследованным хозяйствам за 3 года составляют 700 слишком дней в расчете на одно хозяйство или 63,2% годового запаса рабочего времени.

Принимая во внимание, что принятый нами годовой запас рабочего времени составляет 82,2% всего годового запаса времени, получаем, что фактические затраты составляют в отношении к последнему в среднем по 75 обследованным в 1923 г. хозяйствам — 55,8%, по 24 хозяйствам, обследованным в 1924 г.—60,3%, и по 20 хозяйствам, обследованным в 1925 г.—64,5%. Остальное составляют праздники, потерянное, неиспользованное и неучтенное время.

О размере затрат в полеводстве на различные виды культуры дают более пригодный для разработки материал бюджеты 1924 г., представляя такую картину распределения затрат на полеводство.

Группы хозяйств по посеву.	Всего затрачено на полеводство.		В том числе: на зерновые культуры.		На корнеплоды.		На прядильные.	
	дней.	%	дней.	%	дней.	%	дней.	%
С пос. до 2,0 д.	109,2	100,0	94,2	86,3	5,9	5,4	8,7	8,3
С пос. выше 2,0 д.	222,8	100,0	181,8	81,6	13,2	5,9	22,8	12,5
Средн. взвеш.	140,1	100,0	118,0	84,2	7,9	5,7	12,5	10,1

В хозяйствах более обеспеченных технические культуры получают большое значение в полеводстве, отнимая почти в 1½ раза относительно больше времени, чем в хозяйствах с меньшей обеспеченностью.

О направлении и размере затрат рабочего времени у различных категорий работников в крестьянском хозяйстве дает возможность судить бюджетное обследование 1925 г. Следующая таблица представляет приблизительное распределение всего годового запаса времени в % отношении к нему у работников разных категорий в обследованных 20 хозяйствах.

Таблица № 4.

Распределение годового запаса времени в % %.

Категории работников.	Полеводство.	Огородничество.	Сенокос.	Скотоводство.	Итого в сельском хозяйстве	Лесное хозяйство.	Отлучки по хоз. делам.	Ремон.-строит. работы.	Промыслы.	Работы в чужом хозяйстве.	Домаш. хоз. и перераб. прод. с-х.	Всего затрат.	Праздники и неисп. время.	ИТОГО.	Удел. вес данной категор. в общем зап. работн. семьи
Работники мужчины . .	13,9	1,0	6,8	8,6	30,3	7,2	6,6	2,7	12,6	3,4	1,0	63,8	36,2	100,0	48,63
Работницы женщины . .	15,97	3,0	4,7	16,6	40,0	1,3	0,2	—	1,7	1,7	33,4	78,3	21,7	100,0	32,83
Полуработ. мужчины . .	14,7	2,5	6,7	6,6	30,5	6,0	1,5	0,4	2,5	1,3	7,1	49,3	50,7	100,0	4,86
Полуработ. женщины . .	6,6	3,5	4,0	11,4	25,5	1,5	—	—	—	0,4	34,3	61,7	38,3	100,0	6,39
Дети обоюго пола . . .	5,4	2,2	1,4	3,3	12,3	1,0	—	—	—	0,2	4,0	17,5	82,5	100,0	7,29
В среднем на 1 взрос. раб. мужч.	13,4	2,0	5,5	10,9	31,8	4,4	3,4	1,3	6,8	2,3	14,4	64,4	35,6	100,0	100,0

Данная таблица ясно показывает распределение работ между отдельными членами семьи в крестьянском хозяйстве, долю участия в них взрослых и младших членов и размер общей нагрузки их работой, при чем под полуработниками здесь понимаются не только подростки—мужчины 14-17 лет и женщины 14-15 лет, но и мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет. Оказывается, что работники мужчины более других тратят времени на промыслы и вообще работу внесвоего хозяйства, на

поездки и прочие отлучки по хозяйственным делам и ремонтно-строительные работы. На сельское хозяйство у них уходит до 30 проц., более всего в том числе на сенокос и менее, чем у других на огород. Напротив, у женщин $\frac{1}{3}$ всего времени уходит на домашнее хозяйство и переработку продуктов сельского хозяйства, которая производится почти исключительно ими. Вдвое больше женщины затрачивают времени на огород и скотоводство. В полеводстве ими времени затрачивается также несколько больше чем у мужчин. Труд полуработника главным образом используется в полеводстве и в лесном хозяйстве, и частично на стороне, труд полуработницы—почти исключительно в своем хозяйстве, в частности—в скотоводстве и наравне с работницами, в домашних работах, в которых работники мужчины почти не участвуют. Слабее используется детский труд, что вполне понятно, особенно если принять во внимание, что тут разумеются дети 10-13 лет, т. е. школьного возраста. Общая нагрузка работой не одинакова: меньше неиспользованного и праздничного времени остается у женщин по сравнению с мужчинами, в частности, всего более затрат рабочего времени у женщины работницы домохозяйки—более $\frac{3}{4}$ всего запаса времени в году, тогда как у работника мужчины—около $\frac{2}{3}$, у полуработника только $\frac{1}{2}$.

Фактически затраты рабочего времени в среднем на хозяйство вообще колеблются около $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ принятого нами годового запаса рабочего времени: в 1923 г. они составляли 602,0 дня или 67,9%, в 1924 г.—620,4 дня или 70,9%, а по бюджетам 1925 г. определяются в 666,5 дней или 76,2%. Остальная $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ запаса рабочего времени помимо еще праздников остается неиспользованной. Недоучет фактических затрат при экспедиционном обследовании, конечно, возможен, особенно в части касающейся мелких работ во дворе и в домашнем хозяйстве, но % неиспользованного остатка значителен. Наши бюджетные обследования в этом отношении отмечают явление, наблюдавшееся и в довоенное время и подтверждаемое бюджетными обследованиями крестьянских хозяйств повсеместно и за те же годы. Так, например, по довоенным бюджетам Вологодского уезда, неиспользованное время определялось в 22% годового запаса рабочего времени, по бюджетам за 1922-1923 г. по 14 губерниям, данные которых приведены у Литошенко, оно колеблется в пределах от 10 до 40%, по бюджетам Киевской губернии оно составляет 32%, Томской—25,3%, Ленинградской—25% и т. п.

Помимо сезонного характера сельско-хозяйственных работ, причинами этого неизбежного в крестьянском хозяйстве явления служат мелкий объем хозяйства, недостаточная его землеобеспеченность, при которых в нем нет возможности для полного использования труда всех членов семьи, особенно в зимнее время, и при недостатке внеземледельческих заработков, да кроме того такое использование труда семьи граничит с таким напряжением сил, на которое крестьянин идет или при крайней нужде, или при особой выгодности этого напряжения. Малый объем крестьянского хозяйства нашей губернии достаточно известен и ясен из выше приведенных цифр, характеризующих обеспеченность нашего крестьянства по материалам весенних опросов. При малой землеобеспеченности, когда доход от сельского хозяйства не покрывает всех затрат на него и потребностей семьи, острее нужда в заработках на стороне. Между тем эти заработки пока занимают у крестьянина в среднем меньше рабочего времени, чем прежде: так, по довоенным бюджетам В.-Устюжского уезда, промыслы занимали 25,9% всех производительных затрат, по довоенным бюджетам Вологодского уезда — 21%, а по нашим бюджетам 1923-1925 г.—только 10-15%.

Принимая во внимание все указанные обстоятельства, мы должны признать констатируемый бюджетными обследованиями за ряд лет размер неиспользованного остатка рабочего времени в крестьянском хозяйстве нашей губернии близким к действительности. Конечно, этот остаток „пружинистый“ неравномерно распределен и по временам года и, как было указано выше, между отдельными членами крестьянской семьи: придет нужда он сжимается, нет ее—расширяется. Наши бюджеты, отмечая рост затрат на сельское хозяйство с каждым годом, одновременно отмечают и уменьшение его—(с 284,4 дней или 32,1% годового запаса в среднем на хозяйство по бюджетам 1923 г. до 208,1 дней или 238% по бюджетам 1925 года). Дальнейший подъем сельского хозяйства и улучшение его путем соответствующих мероприятий с одной стороны и расширение возможности внеземледельческих заработков с другой—вот основные средства для сокращения констатируемого бюджетными обследованиями запаса неиспользованного рабочего времени или избытка рабочих рук в крестьянском хозяйстве нашей губернии.

Сопоставление затрат рабочего времени с обеспеченностью обследованных хозяйств работниками, землей и скотом, дает возможность судить о степени трудоинтенсивности нашего крестьянского хозяйства и трудоемкости различных отраслей сельского хозяйства. Данные об этом могут быть представлены в следующей таблице № 5.

Таблица № 5.

Группы по посеву.	Приходится на одно хозяйство.			Голов скота в пепер. на крупный рогатый.	Приходится дней труда.				1 раб. (впер.) обработыв.	
	На дес. посева.	Дес. сенокоса.	Дес. с-хоз. площади.		В пол. на 1 дес. посева.	В сенокосе на 1 дес.	В скот. на 1 гол. скота в переводе.	В сел. хоз. на 1 д.-с.-х. площади.	Посева десяти.	Сенокоса десяти.
0,1—1,0	0,7	1,61	2,67	1,22	66,0	16,4	38,4	49,0	0,32	0,74
1,1—2,0	1,5	2,8	5,03	2,68	78,4	15,5	35,5	54,1	0,45	0,84
2,1—3,0	2,42	4,59	8,26	3,45	61,7	13,1	29,7	39,8	0,61	1,36
3,1—4,0	3,7	5,62	11,12	4,99	50,8	13,3	28,0	38,3	0,83	1,26
4 и выше	4,53	7,92	14,64	4,12	42,6	11,2	35,2	30,8	1,03	1,80
По 75 хоз. бюдж. обл. 1923 г.	2,14	3,91	7,13	3,22	60,03	13,3	32,2	41,5	0,64	1,17
По 24 хоз. бюдж. обл. 1924 г.	2,46	5,17	8,63	3,42	77,1	13,7	38,4	47,3	0,68	1,44
По 20 хоз. бюдж. обл. 1925 г.	2,57	4,1	7,68	3,20	62,4	16,4	31,1	50,1	0,78	1,24

Группы по посеву.	Приходится дней труда на одного работника.								
	В полевод.	В скотов.	В сенокосе.	В сел. хоз.	Вне сел. х.	Вказ. зак и раб. на сторе.	В дом к-не.	Всего дней труда	Изг. и неис. время при 300 рабоч. днях в году.
0,1—1,0	21,6	21,6	12,0	60,9	9,0	62,4	41,4	194,7	105,3
1,1—2,0	35,5	28,8	13,2	81,9	15,4	51,0	46,0	218,1	81,9
2,1—3,0	44,2	30,3	17,7	96,6	17,7	21,9	45,0	196,8	103,2
3,1—4,0	42,3	31,5	16,8	25,7	13,5	7,4	44,7	183,6	116,4
4,1 и выше	43,6	33,0	19,8	101,7	17,0	17,7	56,5	231,0	69,0
По 75 хоз. бюдж. обл. 1923 г.	38,4	29,1	15,9	88,5	15,3	31,5	45,6	203,7	96,3
По 24 хоз. бюдж. обл. 1924 г.	51,9	36,8	19,7	112,8	16,0	28,5	41,0	220,0	80,0
По 20 хоз. бюдж. обл. 1925 г.	47,7	39,6	20,1	116,4	16,2	33,3	37,5	235,2	64,8

Определяемые путем сопоставления указанного в табл. № 1 числа работников в обследованных хозяйствах с площадью их землепользования рабочие нормы обработки посева и сенокоса неодинаковы: минимальные в мелких хозяйствах (0,32 и 0,74) наибольшие в более обеспеченных (1,03 и 1,80). Отсюда использование труда работников тем выше, чем шире хозяйство: в один и тот же сельско-хозяйственный период работник высших групп обрабатывает больше работника мелких хозяйств посева в три раза и сенокоса в 2,5, почему естественно у рабочих малосеющих хозяйств и больше неиспользованного рабочего времени.

При рассмотрении данной таблицы можно отметить, 1) уменьшение затрат рабочего времени на одну десятину посева в полеводстве и на 1 дес. с.-хозяйственной площади—в сельском хозяйстве с увеличением общего размера посева (от 78,4 до 42,6 дней и от 54,1 до 30,8 дня) по различным посевным группам; 2) уменьшение затрат в скотоводстве в расчете на 1 голову скота в переводе на крупный в более обеспеченных хозяйствах; 3) незначительное колебание трудовых затрат на 1 дес. сенокоса (в пределах 11—16 дней); 4) отмеченное уже выше увеличение затрат на сельское хозяйство в расчете на 1 работника в связи с ростом обеспеченности хозяйства как в пределах различных посевных групп в одном году, так и заряд лет. Трудоемкость различных отраслей сельского хозяйства, а равно и других потребностей крестьянского хозяйства в приложении к ним затрат рабочего времени достаточно ясно видны из процентного отношения данных затрат рабочего времени к общей сумме этих затрат. Кроме того, по бюджетному обследованию 1924 года оказалось возможным установить и трудоемкость отдельных культур в полеводстве, именно: 70,0 рабочих дней в расчете на одну

десятину зерновых хлебов и культур, 137 дней—на десятину технических культур и 94 дня на 1 дес. картофеля. По бюджетам 1925 г.—на 1 дес. зерновых—54,5 дней на 1 дес. корнеплодов—98,3 дня. В отношении размера затрат на 1 дес. посева и с.-хозяйственной площади наши бюджеты дают цифры близкие к тем, какие выясняются по бюджетам соседних губерний—на 1 дес. посева по 4 С.-Восточным губерниям затраты определяются у Литошенко в 59,4 дня, по Вологодской—в частности 51,3 дня, на 1 дес. с.-хозяйственной площади—61,4 дня, а по Вологодской губ. 50 дней.

Вообще сопоставление данных бюджетных обследований по Северо-Двинской губернии с данными современных им обследований в других губерниях подтверждает возможную близость к действительности устанавливаемых по ним цифр, как в отношении величины годового запаса рабочего времени, и неиспользованного остатка его, так в отношении общего размера затрат по отдельным статьям бюджета времени. Так, в частности, в отношении затрат на лесное хозяйство (5,1% в 1923 г. наше крестьянство, как показывают бюджеты, занимает промежуточное положение—в соответствии с расположением и характером территории нашей губернии между Архангельским, где эти затраты за тот же год определяются в 6,8% и Вологодским. То же самое можно отметить и в отношении затрат на промыслы: по бюджетам С.-Двинской губернии они захватывают около 10% годового запаса, по бюджетам Архангельской 14,5%, Вологодской—6,8%.

И. П. Скворцов.

Северо-Двинское общество изучения местного края.

Мысль о необходимости организовать в Устюге общество изучения местного края была давнишняя и от многих интеллигентных устюжан слышались речи об основании общества, но такие речи оставались в области разговоров, пока не взялся за это дело заведующий Музеем Северо-Двинской культуры Евлампий Арсеньевич Бурцев. 3 февраля 1923 года им написано было обращение ко всем интересующимся С.-Двинским краем и желающим содействовать собиранию, расширению и объединению сведений о нем, а также выработаны им были и основные пункты положения о В.-Устюгском обществе изучения местного края. Это был первый шаг к организации общества. Немало затем Евлампию Арсеньевичу пришлось лично потрудиться и похлопотать, прежде чем общество сорганизовалось. 1 сентября 1923 года был зарегистрирован в Северо-Двинском губернском отделе внутреннего управления устав общества и последнее, таким образом, могло приступить к своей деятельности.

7 октября 1923 года состоялось первое общее собрание членов-учредителей общества, на котором поставлены были организационные вопросы: выборы правления общества и контрольной комиссии, вопрос о выработке плана предстоящей работы общества и решен принципиальный вопрос о значении для общества работ общего теоретического характера, при чем собрание постановило признать значение для обще-

ства за такими научными работами его членов, которые имеют отношение и приложение к освещению той или иной стороны местного края.

В состав правления общества вошли: председателем Е. А. Бурцев, заместителем председателя В. П. Шляпин, казначеем В. В. Комаров, секретарем Д. В. Шушков и членом правления М. И. Помяловский. В контрольную комиссию вошли А. К. Арндт, К. Е. Добряков и К. А. Цивилев. Членов общества в 1923 году вступило 46 действительных и 1 почетный—А. П. Амалицкая. Организованы были секции: 1) естественно-историческая, 2) историко-археологическая, 3) этнографическо-бытовая и 4) хозяйственно-экономическая. Заседаний правления было 4, общих собраний членов общества 3. Кроме первого организационного собрания, на следующих двух общих собраниях были заслушаны 4 доклада. Докладчики и темы докладов были: 1) В. П. Шляпин. Из истории города Великого-Устюга. Первоначальное заселение городской площади. 2) Он же. Городские укрепления города В.-Устюга. 3) Е. А. Бурцев. Об охране памятников старины местного края. 4) А. К. Арндт. Организация наблюдений над природой.—Контрольная комиссия имени одного заседания, в котором проверила отчет правления о деятельности общества и финансовый отчет.

В течение 1924 года вновь вступило в состав членов общества 19 человек, выбыл 1, скончавшийся 21 ноября председатель правления Е. А. Бурцев. До 21 ноября состав правления состоял из тех же лиц, что и в 1923 году. С 21 ноября обязанности председателя правления принял на себя заместитель председателя В. П. Шляпин и в члены правления вступил из кандидатов Н. П. Базиловский.

Всех заседаний правления было 10, на них обсуждались текущие дела и готовились общие собрания членов общества.

Контрольная комиссия, в составе лиц бывших в 1923 году, за 1924 год имела одно заседание, предметом занятий, на котором было то же, что и в 1923 году.

Общих собраний членов общества в 1924 году было 7, на них, кроме решения текущих дел, заслушания отчетов о жизни и деятельности общества и финансового за 1923 год, выбора членов правления и контрольной комиссии, заслушаны и подвергнуты обсуждению 12 докладов.

Темы докладов и докладчики были следующие. 1) В. П. Шляпин Великий-Устюг в XVII и начале XVIII века; 2) он же. О сочинении и утверждении существующего плана города Великого-Устюга; 3) он же. История города Яренска; 4) он же. Флегонт Арсеньевич Арсеньев. Из личных о нем воспоминаний; 5) он же. Биография Е. А. Бурцева; 6) А. П. Амалицкая; Биография проф. В. П. Амалицкого; 7) М. И. Помяловский. Впечатления поездки на Лальскую фабрику; 8) он же. Воспоминания о Е. А. Бурцеве; 9) В. В. Комаров. Курорт Солониха; 10) Е. Ф. Глезер. Частушки; 11) А. А. Паршинский. Роль фенологических наблюдений при изучении местного края; 12) Н. Н. Смелков. Охотничье хозяйство в Северо-Двинской губернии.

На годичном собрании членов общества, состоявшемся 31 января 1925 года в состав правления общества на 1925 год избраны члены общества Шляпин В. П., Суворов П. М., Комаров В. В., Скворцов И. П. и Кушеверский А. А., из них состоят Шляпин председателем правления, Суворов заместителем председателя, Комаров казначеем и Скворцов секретарем. В контрольную комиссию избраны члены Тюкавин К. Л., Бекряшев Н. Г. и Тряпицын А. П., в редакционную комиссию Шляпин В. П., Помяловский М. И. и Манаков А. А.

В течение первого полугодия этого года заседаний правления общества состоялось 7, общих собраний состоялось 3. На общих собраниях заслушаны и обсуждены следующие доклады: 1) А. Н. Бачурихин. Обзор состояния сельского хозяйства С.-Двинской губернии. 2) П. Н. Батин. Тревожные цифры. Обзор естественного движения населения по С.-Двинской губернии за годы 1919—23; 3) В. П. Бучнев. Мелкая промышленность и промыслы С.-Двинской губернии.

В первой половине года в число членов общества вновь вступило 10 человек.

Устав общества выработывался в то время, когда в обращении были дензнаки и курс их менялся настолько быстро, что расчеты переводились на золотой рубль, при чем и 20 коп. золотом представляли собою в это время некоторую денежную величину. Поэтому § 14 устава и определяет взнос действительных членов общества „ежегодно не менее $\frac{1}{5}$ золотого рубля (20 копеек золотом)“. Однако очень скоро эта величина стала крайне незначительной и средства общества в первое время его существования, складывавшиеся из двадцати копеечных членских взносов, оказались крайне скудными. На общих собраниях, после прочтения докладов, выносились постановления о напечатании этих докладов в имеющем издаваться органе общества, но когда эти пожелания общества могли получить реальное осуществление являлось совершенно неизвестным вследствие почти полного отсутствия средств у общества. Это же самое отсутствие средств лишило возможности принять участие обществу в краеведческих съездах 1924 г. в Вологде, Архангельске и Москве, приглашения на каковые съезды обществом были своевременно получены. С октября 1924 г. общество начинает пользоваться госснабжением и получает субсидию на свои нужды. Это дало возможность сделать некоторые сбережения для предполагаемого издания своих докладов. Однако средства общества все еще были крайне недостаточны и тогда на помощь обществу пришел С.-Двинский Губисполком, отпустив ему субсидию в 250 руб. Только благодаря этой последней субсидии общество и могло приступить к изданию настоящего выпуска своих записок. За оказанную поддержку общество и приносит Губисполкому искреннюю свою признательность.

Улучшившееся материальное положение общества дало возможность ему делегировать своего представителя и на состоявшиеся в июне месяце текущего года в г. Архангельске I конференцию по изучению производительных сил и народного хозяйства Северо-Восточной области и II областной краеведческий съезд.

В. П. Ш.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
А. П. Амалицкая. Профессор Владимир Прохорович Амалицкий . . .	1
В. П. Шляпин. Из истории города Великого-Устюга.	
I. Первоначальное заселение городской площади . . .	5
II. Городовые укрепления	24
В. П. Бучнев. Мелкая промышленность и промыслы Северо-Двинской губернии	35
А. К. Арндт. К геологической истории района г. В.-Устюга . . .	48
И. П. Сиворцов. Бюджет времени крестьянина Северо-Двинской губернии	53
В. П. Ш. Северо-Двинское общество изучения местного края . .	62

Цена **75** коп.